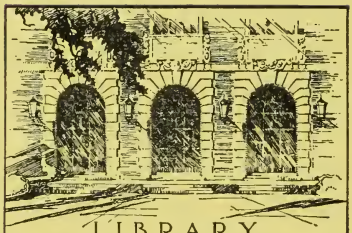
947.04
D56WmR



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
947.04
D36WmR

9 (438)
Т-43.

Андрей Титовъ.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ

(1607—1609 г.)

По рукописи Краковскаго Музея

Князя Чарторыйскаго № 1633.

Съ предисловіемъ А. А. Титова.

Инв. № 752.

Москва. 1908 г.

5238.

947.04
D36WmR

Дневникъ Марихы Мишекъ.

Марина Мнишекъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2014

http://archive.org/details/dnevnikmarinymni00mary

Издаваемый мною „Дневникъ Марины Мнишекъ“ представляетъ собой окончаніе того дневника, который напечатанъ Н. Г. Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ современниковъ о Самозванцѣ“. Въ своемъ предисловіи къ „Дневнику Марины и польскихъ пословъ“ Н. Г. Устряловъ упоминаетъ, что онъ заимствовалъ изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Эти рукописи цѣнны тѣмъ, что авторы ведутъ въ нихъ разсказъ просто и записываютъ почти только то, что сами видѣли. Устряловъ не называетъ авторовъ дневниковъ, но упоминаетъ, что они были писаны двумя поляками, изъ которыхъ одинъ находился въ свитѣ Марины, а другой—при польскихъ послахъ. Устряловъ сожалѣетъ, что печатаемый имъ „Дневникъ Марины“ кончается 9 декабря 1607 года; здѣсь прекращается любопытная рукопись, тогда какъ, судя по заглавію: „Rzeczy polskich w Moskwie za Dimitra Opisanie przez jednego tam obecnego roku 1605 do roku 1609“, это сочиненіе должно итти до 1609 года. Такимъ образомъ, заключаетъ Устряловъ, послѣдніе листы утратились.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Краковъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію завѣдующаго музеемъ Чарторыйскаго, доктору Соколов-

скому, мнѣ пришлось списать двѣ польскихъ рукописи. Одна изъ нихъ—„Исторія Димитрія царя московскаго и Марины Мнишекъ, дочери сандомірскаго воеводы, царицы московской, составленная по дневнику гофмейстера Марины, Мартына Стадницкаго“, была мной напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1906-й г. Другая рукопись оказалась дословной съ „Дневникомъ Марины“, напечатаннымъ Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ о Самозванцѣ“. Достоинство же краковской рукописи заключается въ ея цѣлости: она содержитъ въ себѣ весь дневникъ и такимъ образомъ возстановляетъ утраченные листы Устряловской рукописи. Этотъ дневникъ доведенъ до февраля 1609 года.

Судя по замѣткамъ переписчика, Луки Голембіовскаго, *) эта рукопись — дневникъ Авраама Рожнятовскаго, одного изъ приближенныхъ сандомірскаго воеводы Мнишка. Въ повѣствованіи Рожнятовскаго заключаются лишь общія и краткія свѣдѣнія о покушеніи Бориса Годунова на жизнь царевича Димитрія въ Угличѣ въ 1591 г., о спасеніи царевича докторомъ итальянцемъ, положившимъ на его кровать другого ребенка. Этотъ докторъ скрылся съ царевичемъ куда-то на Ледовитое море. Послѣ смерти доктора Димитрій проживалъ въ подмосковныхъ монастыряхъ, а затѣмъ въ Польшѣ, гдѣ обучалъ дѣтей шляхтича Хойскаго. Въ Бражнѣ онъ открылъ себя игумену, который и сообщилъ объ этомъ князю Адаму Вишневецкому. Вскорѣ Димитрій черезъ воеводу Юрія Мнишка былъ представленъ и къ королю. Съ польскимъ войскомъ Димитрій вступилъ въ

*) Бывшаго въ 1818 г. смотрителемъ Пулавской библіотеки кн. Адама Чарторыйскаго.

Россію. Войска Бориса признали его царемъ: и крѣпости сдавались одна за другой. Послѣ смерти Бориса, онъ вступилъ на престолъ въ 1605 году, и всѣ остальныя войска перешли на его сторону. Царица Марѳа признала въ немъ своего сына. Послѣ коронаціи онъ отправилъ посла Аѳанасія Власьева въ Краковъ просить руки Марины Мнишекъ. 22-го ноября 1605 г. былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія легатомъ Маціевскимъ. Затѣмъ посолъ Власьевъ вручилъ Маринѣ богатые подарки отъ царя, въ числѣ которыхъ былъ драгоцѣнный камень „Нептунъ". 2-го марта 1606 г. Марина выѣхала изъ Самбора въ Москву. Вся свита состояла изъ 1969 лицъ и 1961 лошади. Воевода прибылъ въ Москву 5-го мая. Въ дневникѣ подробно описаны роскошь двора и придворные обычаи. Марина торжественно въѣхала въ Москву 12-го мая и до бракосочетанія проживала у царицы Марѳы, матери Димитрія. Затѣмъ была дана аудіенція посламъ Сигизмунда—Олесницкому и Гонсевскому, при чемъ произошелъ споръ изъ-за неполнаго титула царя. Маринѣ передъ вѣнчаніемъ Димитрій подарилъ шкатулку съ вещами цѣною въ 500.000 рублей, а ея отцу 100.000 руб. для уплаты долговъ. 18-го мая было совершено бракосочетаніе и коронованіе царицы Марины. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марина пріобщалась св. Таинъ изъ рукъ патріарха по обряду восточной церкви, хотя не получила разрѣшенія на это отъ папы. На другой день пиръ, а на третій день обѣдъ для военныхъ. 21-го мая Олесницкій вручилъ Димитрію отъ короля подарки: драгоцѣнную цѣпь и кубки. Въ этотъ день посолъ былъ приглашенъ къ царскому столу. Царь и царица были въ польскомъ платьѣ. Начались танцы, во время которыхъ Димитрій

плясалъ съ женой по-гусарски, потомъ съ паномъ воеводой, затѣмъ воевода съ дочерью, при чемъ велъ ее по лѣвую руку. Во время этихъ увеселеній замѣчалось возбужденіе въ народѣ, но на это не обращали вниманія. 27-го мая общее возстаніе. Впускаютъ 18.000 человѣкъ изъ окрестныхъ мѣстъ, занимаютъ 12 воротъ. Всѣми предводительствуетъ Шуйскій. Съ крикомъ „горитъ!“ они бросились во дворецъ и безъ труда овладѣли имъ. Басмановъ, спавшій въ передней Димитрія, убитъ. Марина сбѣжала внизъ въ одной рубашкѣ и юбкѣ; тамъ ей сказали, что ея мужъ уже убитъ. Она вернулась наверхъ къ своимъ женщинамъ и со страхомъ ждала дальнѣйшей участи. Слуга Осмульскій, храбро защищавшій къ нимъ входъ, зарубленъ. Хмѣлевская, получивъ огнестрѣльную рану, вскорѣ же и скончалась. Народъ бросился грабить, но бояре разогнали его и увели царицу съ ея женщинами въ другую комнату, увѣривъ ихъ, что онѣ въ безопасности. Полякамъ отрѣзали сообщеніе съ дворцомъ; ихъ квартиры осаждали и брали приступомъ; тамъ, гдѣ они были малочисленны и разрознены, ихъ вырѣзали, варварски поступая съ ихъ останками. Договоръ съ воеводой заключилъ Татищевъ, обезпечивъ его жизнь. Въ этомъ мятежѣ погибло 500 поляковъ и столько же москвичей. Когда все успокоилось, Мнишку разрѣшили навѣстить дочь. 29-го мая Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ. Черезъ три дня у воеводы отняли Марину, лишивъ ее драгоцѣнностей, не только подаренныхъ мужемъ, но даже ея собственныхъ. Самого же Мнишка обвиняли въ томъ, что онъ ввелъ Самозванца. Воевода оправдывался. Кончили на томъ: такъ какъ его чудесно сохранилъ Богъ, то онъ будетъ обезпеченъ.

Коронованіе Шуйскаго совершилось 11-го іюня. Польскіе послы, призванные боярами къ отвѣту, на сдѣланные упреки отвѣчали, что король ни въ чемъ не нарушилъ договоровъ. Димитрія въ Польшѣ презирали, да и король Сигизмундъ не признавалъ его, хотя отчасти и покровительствовалъ. Но такъ какъ русскіе и тамъ, и у себя на родинѣ считали его царевичемъ, и сами посадили его на престолъ, то пусть себѣ же и приписываютъ причину этихъ злоключеній. Посолъ требовалъ освобожденія воеводы, его дочери и всѣхъ поляковъ. Ему отвѣтили, что онъ посолъ не къ этому царю, а къ Разстригѣ (бѣжавшему изъ монастыря). Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду пословъ, а плѣннымъ разрѣшили писать. Но вскорѣ разнеслась вѣсть, что Димитрій живъ. Грозила внутренняя война. Польскихъ плѣнныхъ разослали въ разныя стороны, а именно: князя Вишневецкаго—въ Кострому, Стадницкихъ—въ Ростовъ, Тарло и нѣкоторыхъ другихъ—въ Тверь, сандомірскаго воеводу съ дочерью и сыномъ—въ Ярославль. Всѣхъ сосланныхъ съ ними въ Ярославль было 375 лицъ. Салтыковъ, спрошенный паномъ воеводой, разсказалъ ему, что князь Волконскій, который былъ отправленъ къ Сигизмунду III, уже вернулся, и какъ только прибудетъ обѣщанный посолъ, Огинскій, поляки и панъ воевода будутъ выпущены.

Дѣйствительно, вскорѣ разрѣшили отправить пока 37 лицъ прислуги и троихъ шляхтичей. Они писали изъ Св. Троицы, что крымскіе татары и казаки вступили въ ожесточенную войну, и многое говоритъ за то, что Димитрій живъ.

Затѣмъ въ дневникѣ подробно описывается, что съ ними происходило, какія вѣсти получа-

лись ими—большей частью вымышленныя или сильно преувеличенныя. 17-го мая 1606 г. поляки, бывшіе въ Ярославлѣ, приступили къ 40 часовому молитвенному бдѣнію, испрашивая у Бога освобожденіе; собравшись на разсвѣтѣ и произнося святыя имена: „Іисусъ, Марія", всѣ стегали себя плетью. Ихъ покаяніе поразило русскихъ.

Португалецъ, изъ ордена августиновъ, Николай де-Мело, проповѣдывавшій слово Божіе въ Новой Индіи, былъ назначенъ за свое усердіе начальникомъ всѣхъ находящихся тамъ миссіонеровъ. Когда онъ возвращался оттуда черезъ Персію и Россію, его задержали по пути и обобрали. Это случилось въ царствованіе Бориса Годунова. Когда правленіе перешло къ Димитрію, его должны были выслать въ Испанію съ русскими комиссарами, но послѣ злополучнаго паденія Димитрія онъ былъ сосланъ въ Борисоглѣбскій монастырь, въ трехъ миляхъ отъ Ростова. Нѣсколько разъ писалъ онъ къ Мнишку, донося обо всемъ. Сильно огорчила несчастныхъ смерть отца Венедикта Ансерына, изъ ордена бернардиновъ, ихъ духовнаго отца. Разгорающаяся все сильнѣе междоусобная война, появленіе польскихъ войскъ у границъ—были истинными причинами ихъ долгаго задержанія. Однако 26-го мая 1608 года пана воеводу, его дочь и часть ихъ свиты вызвали въ Москву; они выѣхали въ числѣ 110 человѣкъ, считая и женщинъ.

Въ Ярославлѣ осталось 162 мужчины. Ихъ выѣздъ изъ Ярославля осуществился, благодаря усиліямъ польскихъ пословъ, которые работали надъ этимъ цѣлый годъ; остальные также ждали освобожденія. Случилось же обратно: ихъ вскорѣ выслали въ Вологду, 30 милями дальше, такъ

какъ Ярославлю грозила опасность отъ подходившихъ войскъ Димитрія. Они вышли къ переправѣ всѣ вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и благодарили за гостепріимство—или по тамошнему выраженію за хлѣбъ-соль—трубными звуками и киданіемъ шапокъ вверхъ.

1-го августа 1608 года послы доносили имъ, что они заключили перемиріе на четыре года безъ одного мѣсяца, въ силу котораго всѣ поляки должны быть освобождены еще до 8-го октября. Имъ разрѣшили увезти останки покойнаго бернардинскаго монаха.

Столь долго ожидаемый ими выѣздъ изъ Вологды осуществился, наконецъ, 3-го октября. Садясь на судна на рѣкѣ Сухонѣ, они всѣ воскликнули: „Іисусъ!“ Между тѣмъ Ярославль взятъ войсками Димитрія: Сапѣга въ немъ губернаторомъ; онъ присылаетъ приказъ задержать поляковъ и отправить ихъ въ Вязьму. Поляки обѣщаютъ свою защиту тѣмъ, которые ихъ стерегли, и предпочитаютъ отправиться въ лагерь Димитрія. Гонецъ этого царя увѣдомляетъ ихъ, что панъ воевода съ дочерью, принятые царскими полками, приглашаютъ ихъ пріѣхать къ нему. Въ Переяславлѣ они соединились со свитою старосты Саноцкаго и князя Вишневецкаго. Выбравъ себѣ коней и сдѣлавъ шесты со знаменами, они уже не какъ плѣнные, а какъ боевой отрядъ изъ 200 человѣкъ, вступаютъ 26-го октября въ лагерь Сапѣги, выѣзжаютъ на пробныя стычки и показываютъ свою удаль. Они недолго пробыли здѣсь, торопясь въ лагерь Димитрія, находившійся въ то время подъ столицей. Они прибыли туда 2-го декабря; ихъ привѣтствовали царь и знать.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе той части „Дневника Марины“, которая издана Устря-

ловымъ. Мы печатаемъ его далѣе, начиная съ 9-го числа декабря 1607 года, и заканчиваемъ январемъ 1609 года.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великій.
1908 г. января 20.

Дневникъ Марины Мнишекъ.

(1607—1609 гг.)

Декабрь 1607 г.

9-го были вѣсти, что посолъ уже совершилъ свое посольство. На аудіенціи онъ будто бы спрашивалъ царя: „на какомъ основаніи держали такъ долго въ заточеніи посла моего государя, сенатора, пана воеводу, и другихъ столь достойныхъ людей безо всякаго преступнаго къ тому повода съ нашей стороны, ибо они не пришли грабить землю или объявлять войну, а привезли законную супругу, которую вы просили для бывшаго своего царя и государя у Его Величества Короля и у Рѣчи Посполитой. Въ мирномъ и радостномъ настроеніи въѣхали всѣ съ польскими послами, чтобы дружески обсудить и скрѣпить вопросъ о вѣчномъ союзѣ“. На это царь и думные бояре отвѣтили, что панъ воевода и всѣ остальные люди, посланные твоимъ государемъ, пріѣхали не къ истинному царю, а къ Разстригѣ, на погибель нашей родины. Эту погибель невозможно было предотвратить иначе, какъ такимъ образомъ. Услышавъ это, посолъ сталъ убѣждать и доказывать, что Димитрій былъ не Разстрига, а истинный царь, котораго признала вся Москва, короновала его, какъ государя, и принесла ему присягу въ вѣрности. „Однако все, что случилось,—сказалъ

посолъ,—послужитъ на вѣчное посрамленіе ваше передъ всѣмъ міромъ. А теперь,—обратился онъ къ царю,—если оставшихся людей моего государя ты не выпустишь изъ своей земли или выпустишь въ такомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ выпустилъ прочихъ, государь мой велѣлъ отдать тебѣ эту саблю, объявляя справедливую войну". Царь, принявъ саблю, будто бы удержалъ этого посла, приставивъ къ нему сильную стражу; своего же посла они снова хотѣли отправить въ Польшу.

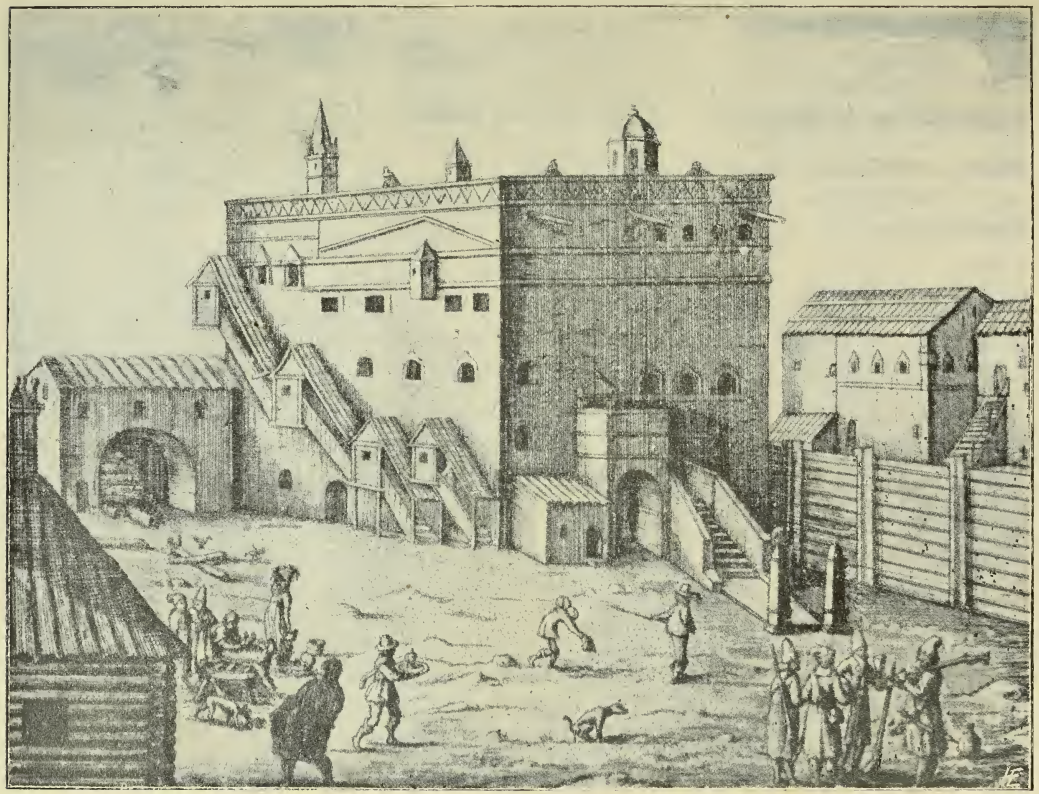
Потомъ выдумали, что трехъ изъ нашихъ вельможъ, болѣе знатныхъ, вызовутъ для переговоровъ. Другіе же утверждали, что переговоры произойдутъ во время двухмѣсячнаго перемирія между Димитріемъ и Шуйскимъ. Мы рѣшительно не знали, кому вѣрить; если бъ записывать всѣ появлявшіяся извѣстія, то имъ не было бы конца.

Когда тревожные слухи утихли, мы сочли за необыкновенную милость Провидѣнія, что никто изъ насъ и родственниковъ не имѣлъ дурныхъ предчувствій.

10-го. То же подтвердилъ стрѣлецъ изъ Москвы, тайно сообщивъ пану воеводѣ черезъ нашихъ, что посолъ подалъ царю письмо на обнаженной саблѣ.

16-го и въ послѣдующіе дни снова говорили, что воевода Салтыковъ, который стерегъ насъ вначалѣ, пріѣдетъ въ Ярославль за паномъ воеводой и иными польскими вельможами, чтобы отвезти ихъ для переговоровъ въ Москву, а мелкую челядь прямо отсюда отправить въ Польшу. Это однако не подтвердилось.

21-го. Посломъ былъ панъ Глѣбовичъ. Всякихъ невѣроятныхъ вѣстей было очень много, но ихъ не хотѣлось и записывать. Между прочимъ, держался слухъ, будто царь Димитрій только что двинулся изъ Путивля, потому не было слышно и о тревогѣ въ Москвѣ. Но и этому извѣстію нельзя было довѣрять.



Посольскій дворъ въ Москвѣ.

22-го. Одного изъ тѣхъ, что собрались было прошлой зимой бѣжать, взяли въ Москву за царскимъ пожалованіемъ, ибо онъ продалъ себя на имя царя, выдумавъ разные доносы и клеветы. Конецъ года, по Божьей милости, прошелъ для насъ спокойно и благополучнѣе нежели весь годъ, потому что мы съ самаго Свѣтлаго праздника были избавлены отъ тревогъ и опасностей. И тоска не такъ одолѣвала насъ, вѣроятно, потому что мы здѣсь уже обжились: впрочемъ, иные еще пуще тосковали. Пусть же и впредь творится воля Божья! Какъ исходъ другихъ надеждъ нашихъ, такъ и свобода наша зиждется на Немъ одномъ и зависитъ отъ Его великаго милосердія.

Январь 1608 г.

Боже Всемогущій, пошли счастье и помилуй бѣдныхъ узниковъ!

1-го. Въ первый день новаго года новое (неизвѣстно только, вѣрное ли) извѣстіе: будто Димитрій съ большимъ войскомъ москвичей и немалымъ количествомъ поляковъ подступилъ къ Москвѣ. Говорили также о какихъ-то стычкахъ.

2-го мы видѣли на лунѣ необыкновенныя радуги и зарева. Люди, знающіе толкъ въ этомъ дѣлѣ, утверждали, что такія отраженія неестественны.

5-го возобновились вѣсти, что подъ Карачевымъ, на разстояніи 54 миль отъ Москвы, стоитъ большое войско Димитрія. Противъ него собирался выступить Шуйскій. Говорили, что Петрашка повѣшенъ въ Москвѣ, Болотниковъ въ тюрьмѣ, пословъ же прежняго и теперешняго—царь Шуйскій нѣсколько разъ угощалъ; войска Шуйскаго, посланныя отнять Астрахань, взяли ее на имя царя Димитрія и заперлись въ ней.

6-го въ воскресенье мы видѣли опять необычную и какъ бы веселую луну, окруженную двумя разно-

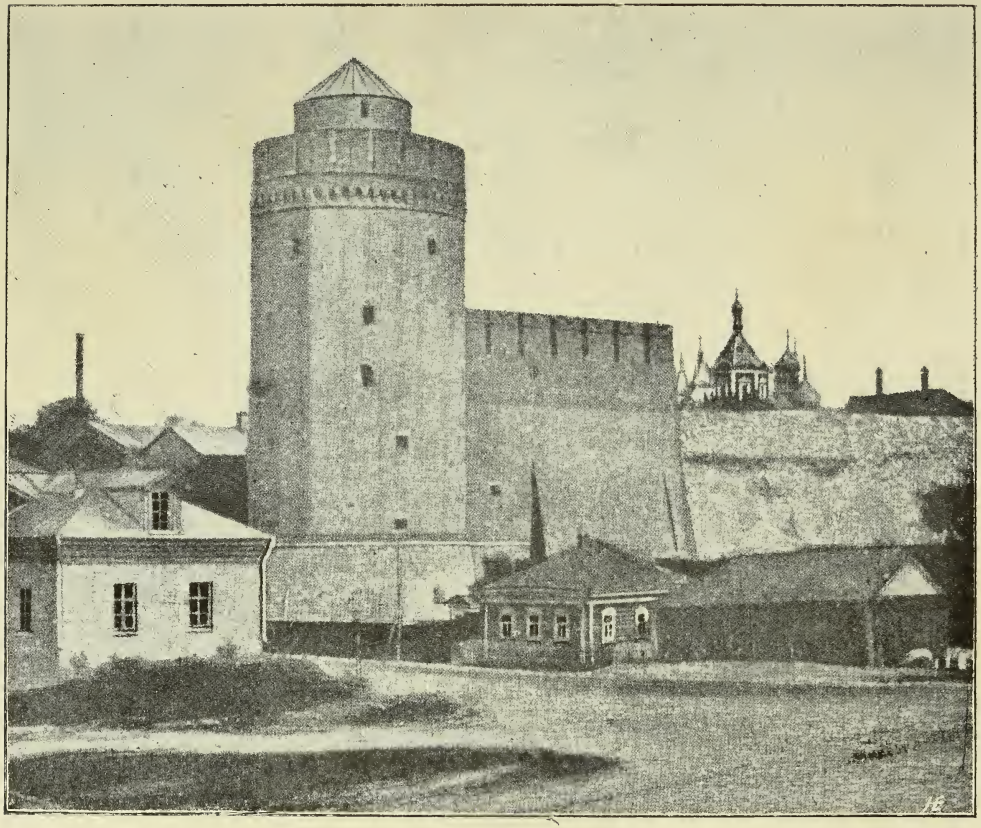
цвѣтными радугами, сама же она находилась въ третьей. Говорили, что и эти явленія неестественны, да и среди насъ не было никого, кто бы наблюдалъ ихъ раньше. Но такъ какъ луна имѣла при этомъ радостный видъ, то мы сочли это хорошимъ предзнаменованіемъ, и наши надежды на Бога воспрянули.

12-го распространилась вѣсть, что самыхъ слабыхъ изъ насъ, хотя къ этому времени мало между нами было здоровыхъ, но все же Господь Богъ чудесно насъ сохранялъ и снабжалъ кое-чѣмъ необходимымъ, собираются выслать въ крѣпость Архангельскъ, которая находится въ портѣ Бѣлаго моря. Мы не радовались этому, ибо только въ небѣ хорошо съ архангелами.

15-го и въ послѣдующіе дни говорили, будто царь Шуйскій собирается жениться на Нагой, но бояре не соглашаются на эту женитьбу прежде, чѣмъ онъ освободитъ и успокоитъ страну. Были иные слухи и розсказни, но ихъ не стоило и писать, такъ какъ имъ нельзя вѣрить.

20-го наши приставы совѣтовали намъ, особенно слугамъ, послать челобитную царю о пожалованіи, главнымъ образомъ объ улучшеніи пищи, но мы не допустили этого, боясь какого-нибудь коварства, и предпочли какъ-нибудь кормиться, чѣмъ кому удастся, только не соглашаться на ихъ предложеніе. Мы продавали, что у кого было, и сильнаго голода, съ Божьей помощью, не испытывали.

22-го пришли изъ Кареліи 100 стрѣльцовъ смѣнить тѣхъ, что стерегли насъ. Пришли почти всѣ тѣ люди, что сопровождали насъ изъ Москвы и стерегли годъ тому назадъ. Но прежде, нежели имъ поручили стражу, каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть, что не будетъ сообщать намъ никакихъ вѣстей. Но такое обязательство мало помогало, ибо у нихъ при-



Башня Марины Мнишекъ въ Коломнѣ.

сягнуть такъ же легко, какъ проглотить ягоду, и они потомъ отлично обманывали, какъ и прежде.

29-го мы со страхомъ увидѣли необыкновенные ужасные огненные столбы, двигавшіеся по небу. Они что-то предвѣщали либо намъ, либо Москвѣ. Приставы были у пана воеводы; тутъ господа старосты имѣли съ ними столкновеніе по поводу выраженія у нихъ обычнаго, у насъ же употребляемаго въ кабакахъ. Панъ воевода просилъ разрѣшенія написать къ царю относительно посла въ Польшу, но ему совѣтовали повременить нѣсколько дней, ободряя насъ надеждой на что-то хорошее. Одинъ изъ нихъ шепнулъ на ухо пану воеводѣ и хотѣлъ указать на что-то, но удержался, замѣтивъ лишь, что тутъ дѣло касается жизни или смерти.

30-го слухи, что войско въ нѣсколько тысячъ, отправленное Шуйскимъ противъ Димитрія впередъ, отойдя отъ столицы, стало роптать на царя и собирается бить челомъ Димитрію. Замѣтивъ это, гетманъ отступилъ назадъ, войско же въ количествѣ 8.000 человѣкъ перешло на сторону Димитрія. Шуйскій, узнавъ о такой явной неудачѣ, хотѣлъ сложить скипетръ (такой тамъ обычай, когда царь покидаетъ царство), но народъ не позволилъ ему, говоря: „до тѣхъ поръ, пока не успокоится страна, ты долженъ быть нашимъ царемъ“. Немедленно послѣ этого отправили еще войско, съ которымъ выходилъ Димитрій Шуйскій, но онъ былъ раненъ, и ему едва удалось вернуться съ нѣсколькими сотнями человѣкъ.

Между тѣмъ состоялась свадьба царя Шуйскаго. Онъ все порывался въ монастырь, и, вѣроятно, его женили для того, чтобы онъ былъ рѣшительнѣе и защищался еще сильнѣе. О Стадницкихъ говорили, будто они вторглись въ страну съ 12.000 войскомъ и плѣнили 1.000 бояръ, которыхъ отослали въ Путивль, угрожая Димитрію и даже самому царю

плѣномъ, если онъ не вернетъ имъ друзей и кровныхъ.

Февраль.

1-го. Одинъ боярскій сынъ, пріѣхавъ изъ Москвы, привезъ извѣстіе, что войска Димитрія собираются итти къ столицѣ; самъ же онъ стоитъ въ 5 верстахъ подъ городомъ Брянскомъ въ монастырѣ, именуемомъ Савинскимъ: царь Шуйскій, запершись въ крѣпости одинъ съ небольшимъ количествомъ друзей, празднуетъ свою свадьбу.

6-го. Ночью, въ теченіе часа, были видны въ воздухѣ странные столбы и огненныя отраженія, наводившіе на насъ ужасъ. Всѣ мы встревожились, приписывая многое этимъ явленіямъ. А на слѣдующій день на прекрасномъ и чистомъ небѣ вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, исчезла, неизвѣстно куда, луна. Это ясно видѣла собственными глазами и наша стража во дворѣ, и московская, стоявшая вокругъ двора; они сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ для своего царя.

7-го. Письма отъ испанца *Николая де-Мело*. Первое: въ немъ онъ сообщаетъ, что у Петрашка и Болотникова отняли Тулу и отдали ее Исидору Нагому. Второе: Петрашка повѣсили въ Москвѣ, а Болотниковъ—въ тюрьмѣ. Третье: въ тотъ день, когда новый посолъ въѣхалъ въ Москву, старый хотѣлъ выѣхать, но его догнали у воротъ и не выпустили. Четвертое: царь Шуйскій женился. Онъ удивляется, что свадьба царя состоялась въ такое тяжелое время, при столь явномъ и великомъ бѣдствіи. Онъ женился на какой-то Марѳѣ, а наша Марія, но Марія optimam partem elegit. Пятое: извѣщаетъ о своей тяжкой неволѣ и о жестокихъ страданіяхъ, такъ какъ ему еле-еле на третій день приносятъ пищу. Все происходитъ изъ-за тѣхъ заботъ, которыя ихъ угнетаютъ, ибо изъ этого

монастыря отправили на войну 53 человѣка, и только 13 изъ нихъ возвратились. Шестое: наконецъ, онъ проситъ, чтобы панъ воевода, если Господь Богъ пошлетъ ему радость, постарался освободить его изъ жестокаго заточенія. На это ему на собственныя средства послали отвѣтъ и денежную помощь.

9-го. Выдержки изъ письма пана К. Что быстро загорается, то свѣтитъ недолго. Царь женился, одинъ день пожилъ съ женой, а на другой отослалъ ее въ монастырь. Однако онъ не покаялся и взялъ себѣ въ жены жену князя Петра Ростовскаго изъ поколѣнія Годуновыхъ. Второе: Димитрій Шуйскій вернулся изъ-подъ Алексина, потерявъ всякую надежду. Онъ упрекалъ царя за женитьбу, говоря: „Ты здѣсь веселишься, а невинная кровь льется". Тутъ же онъ сказалъ ему: „Твоему царствованію скоро настанетъ конецъ, ибо тебѣ негдѣ искать опоры; поэтому позаботься о себѣ и о насъ. Надо поклониться другому, такому, которому государство по праву принадлежитъ". Третье: послѣ ухода Димитрія Шуйскаго изъ-подъ Алексина, все войско, которое онъ тамъ оставилъ, получивъ письмо отъ царя Димитрія, подчинилось его волѣ и приказанію, бросивъ сабли и присягнувъ въ повиновеніи. Четвертое: прошлый четвергъ посолъ царя Димитрія, полковникъ Адамъ, самъ-четвертъ былъ въ Москвѣ съ письмами къ Шуйскому, и міръ благосклонно принялъ его. Въ письмахъ онъ предлагалъ добровольно подчиниться ему и въ этомъ случаѣ обѣщалъ снисхожденіе. Это письмо столичный патріархъ читалъ всенародно при царѣ и передъ міромъ. Когда онъ кончилъ, царь спросилъ мнѣніе міра, а міръ—его мнѣніе. Царь рѣшилъ, что невозможно выбирать, когда дѣло касается жизни; „поэтому,—сказалъ онъ имъ,—порадѣйте вы о себѣ сами, а я порадѣю о себѣ. Такъ какъ это воля Божья, то я ему уступлю и мечи понесу на своей головѣ". Услыша это, міръ

единогласно воскликнулъ: „И мы тоже. Да здравствуетъ Димитрій Ивановичъ, царь всей Россіи! Но мы просимъ, чтобы онъ былъ милостивъ къ намъ и не дозволялъ своимъ солдатамъ тѣхъ насилій, о которыхъ мы слышали изъ другихъ городовъ". Съ этимъ и отпустили посла, прося, чтобы царь прислалъ къ нимъ для принятія присяги. Пятое: о нашихъ, бывшихъ подъ Смоленскомъ, говорятъ, что они взяли эту крѣпость. Въ послѣдній день февраля къ намъ пришло письмо отъ папа К. слѣдующаго содержанія: „Пишу, какъ и раньше, когда я не сомнѣвался въ томъ, что они добровольно подчинятся царю и съ этимъ заявленіемъ уже послали было къ нему. Теперь донесу вамъ, вельможамъ, почему это не осуществилось. Когда царь послалъ въ Москву своихъ бояръ принять присягу, онъ отправилъ вмѣстѣ съ ними и воеводу, нѣкоего Ивана Голицына, съ небольшимъ отрядомъ. Въ Москвѣ же, безъ вѣдома царя, произошло иное совѣщаніе. Димитрій Шуйскій съ отцомъ царской жены убѣдили міръ не довѣрять Разстригѣ и мужественно защищаться".

„А такъ какъ мой братъ,—говорилъ онъ,—неспособенъ царствовать, то мы обѣщаемъ, когда я защищу васъ и успокою Московское Государство, быть вашимъ царемъ". Услыша это, они всѣ тотчасъ же выразили свое согласіе. Онъ же, видя, что они къ нему благосклонны, роздалъ боярамъ въ надеждѣ на это очень дорогіе подарки и немедленно послѣ совѣщанія послалъ вооруженныхъ людей противъ войска царя, во главѣ съ отцомъ своей жены. Они ударили на царскихъ воиновъ, не предупредивъ (въ это время царскіе послы были уже въ Москвѣ), но, по милости Божьей, москвичи были поражены на голову. Отецъ жены его попалъ въ ихъ руки; они содрали съ него кожу и разрубили на части. Затѣмъ Голицынъ съ войскомъ не мѣшкая пошелъ къ Москвѣ; къ нему присоединилось немного поляковъ изъ-подъ Смоленска, которые при-

вели къ присягѣ царю крѣпости: Тверь, Угличъ и не мало другихъ. Всѣ эти крѣпости и до сихъ поръ вѣрны присягѣ, кромѣ Углича, который одинъ измѣнилъ, и люди изъ него вышли. Узнавъ, что Голицынъ направляется къ Москвѣ, чтобы овладѣть этимъ городомъ, они поспѣшили ему на помощь. Съ одной стороны наши, а съ другой Голицынъ послѣ сильнаго штурма взяли Деревянный городъ; часть войска перебили, а часть привели къ присягѣ. Послѣ этого они, пробивъ отверстіе въ 8 саженъ въ стѣнѣ Каменнаго города, съ той же яростью ворвались туда и разрушили башню, которая стояла въ углу, къ рѣкѣ, называемой Москвой. Въ этомъ проломѣ стѣны погибло множество народу съ обѣихъ сторонъ. Рѣзню остановила лишь ночь. Послѣ битвы Голицынъ расположился со своими людьми въ Деревянномъ городѣ, а наши разбили лагерь въ полѣ. Но стража, поставленная у пролома стѣны (эта стража состояла изъ людей, взятыхъ въ крѣпостяхъ), измѣнивъ, выпустила изъ города людей, которыхъ Татищевъ только что привелъ изъ Великаго Новгорода. Они изо всѣхъ силъ ударили спереди и съ тыла на Голицына. Обѣ стороны дрались стойко и храбро, не уступая другъ другу: однако побѣдили болѣе свѣжіе и не столь утомленные, какъ тѣ, что были въ Деревянномъ городѣ; они вытѣснили Голицына дальше въ поле. Между тѣмъ поляки, стоявшіе въ лагерѣ, ворвались въ городъ и много народу перебили саблями, убивая безжалостно наповалъ всякаго встрѣчнаго. Послѣ этого они безъ урона вышли изъ города и направились къ Смоленску. Голицынъ же послѣ пораженія направился въ Серпуховъ отдыхать и лѣчиться отъ сильной раны въ бокъ. Но здѣсь его подстерегалъ Димитрій Шуйскій съ братомъ; они хотѣли окончательно разгромить его. Однако Голицынъ на столько оправился, что разбилъ Димитрія Шуйскаго, который едва успѣлъ добраться

до Москвы. Между тѣмъ царь приближался уже со всѣми войсками, которыя были весьма велики; съ нимъ пришли и поляки, кромѣ тѣхъ, что были въ Смоленскѣ. Въ это время (что достовѣрно извѣстно) 100 человѣкъ изъ нашихъ собирались было сослать въ Тарнополь, въ 200 верстахъ отъ Бѣла-Озера, но бояре не совѣтовали, говоря, что у нихъ и тутъ хорошая и вѣрная стража. Даже монастырскихъ людей вмѣстѣ съ другими разставили по дорогамъ, а къ вельможамъ тамъ приставили 59 стрѣльцовъ, тѣхъ самыхъ, что годъ тому назадъ оставилъ было Салтыковъ въ здѣшней крѣпости.

Мартъ.

1-го былъ слухъ, что Голицынъ снова вернулся къ столицѣ, а царь Димитрій до сихъ поръ ждетъ подъ Тулой, пока стянутся войска. Также говорили, что Москва осаждена; только одни ворота по направленію къ намъ свободны.

2-го проѣхалъ черезъ Ярославль воевода Михайло Салтыковъ, тотъ самый, что стерегъ насъ годъ тому назадъ. Съ нимъ былъ нѣкто Степанъ, который прежде былъ приставомъ у насъ, а потомъ въ Вологдѣ у Глинскихъ, откуда, неизвѣстно почему, его взяли. Догадывались, что оба въ опалѣ и сосланы въ Сибирь за какую-то измѣну. Иные же различно толковали ихъ проѣздъ. Съ ними было еще нѣсколько другихъ бояръ.

3-го выпустили всѣхъ узниковъ изъ Ярославскихъ темницъ. Ихъ собирались снабдить одеждой и какъ-нибудь приспособить къ защитѣ крѣпости или же отправить на войну. Въ тотъ же день въ полночь, съ воскресенья на понедѣльникъ, луна, свѣтившая на ясномъ и очень красивомъ небѣ, была окружена двумя разноцвѣтными кругами. Это длилось нѣсколько часовъ. Но такъ какъ мы уже привыкли къ подобнымъ диковинкамъ, то и не боялись ихъ.

5-го снова вѣсть, что Москва осаждена и къ ней стягиваются войска, что сожгли часть Деревяннаго города и его слободы. Говорили, что однажды изъ города вышелъ отрядъ, противъ котораго изъ лагеря вышло нѣсколько сотъ сторожевыхъ; причинивъ городскимъ большой уронъ и плѣнивъ 36 человѣкъ, они отослали ихъ къ царю Димитрію. Угостивъ плѣнныхъ и даровавъ имъ свободу, онъ отослалъ ихъ назадъ, говоря: „Я не желаю проливать вашу кровь, и если бъ мнѣ не было жаль губить невинныхъ людей, я давно бы уже овладѣлъ вами“. Димитрій Шуйскій (о царѣ не слышно: говорятъ, что онъ боленъ) велѣлъ съѣзжаться всему духовенству, чтобы выслать его съ крестами противъ Димитрія, а самъ онъ рѣшилъ выйти вслѣдъ за нимъ съ войскомъ и погибнуть, защищая родину. Дошли вѣсти, что наши дѣйствительно въ Смоленскѣ, но не извѣстно, на чьей сторонѣ городъ.

7-го внезапно скончался конюхъ пана старосты Саноцкаго.

10-го провезли Болотникова и нѣсколькихъ бояръ; его ссылали въ Тарнополь. Онъ не былъ закованъ. Когда его спросили, почему онъ такъ свободенъ, онъ отвѣтилъ: „я васъ самихъ скоро буду заковывать и обшивать медвѣжьими шкурами“.

12-го на пиру у пана воеводы были оба пристава и немало боярскихъ сыновей; одинъ изъ приставовъ сказалъ вполголоса: „близится время вашей радости“.

14-го изъ Сибири вели нѣсколько десятковъ верблюдовъ; насъ обманывали, будто ими хотятъ пугать польскую конницу, находящуюся, по слухамъ, подъ Москвой; вѣроятно, было что-нибудь на самомъ дѣлѣ, ибо насъ въ эти дни строго стерегли и къ экономамъ, ходившимъ на рынокъ, приставили къ каждому въ отдѣльности по 6 стрѣльцовъ. Часто ходили пустые слухи о какихъ-то войскахъ подъ Москвой.

16-го была кровопролитная битва, въ которой московскихъ людей погибло до 10.000, нашихъ же 2000. Больше всего погибло казаковъ, ибо они сражались храбрѣе остальныхъ; потомъ выходили съ крестами. Самъ царь Шуйскій былъ смущенъ и не зналъ, что дѣлать; онъ хотѣлъ было уже сдаваться, но его братъ съ другими думными боярами сдержалъ чернь.

22-го одинъ москвичъ при стрѣльцахъ схватилъ за руку эконома пана воеводы, идущаго съ рынка, и сказалъ: „Скажи отъ меня воеводѣ, что васъ скоро освободятъ и что всѣ ваши просьбы въ Москвѣ, откуда я прибылъ вчера, удовлетворены. Тому слуху, что будто бы Годуновъ воюетъ, не вѣрьте, ибо его вырывали изъ могилы“. Дальше онъ говорить не могъ, потому что стрѣльцы тотчасъ же схватили его и потащили къ приставу. Когда тотъ спрашивалъ, кто онъ такой, откуда и по какому дѣлу пришелъ сюда, онъ отвѣтилъ, что они втроемъ пришли изъ Москвы. Тамъ же были при немъ двое, но какъ только его схватили, они тотчасъ же исчезли. Его били кнутомъ, а потомъ посадили въ тюрьму. Экономъ тоже сильно испугался и былъ въ опасности; но стрѣльцы выгородили его, сказавъ, что онъ не обращался съ рѣчью къ этому человѣку и что тотъ самъ заговорилъ съ нимъ. Кромѣ того, экономъ заявилъ, что ничего не понялъ изъ рѣчи этого человѣка. Сочиняли, будто бы поляки овладѣли Сѣверской землей. Къ концу этого мѣсяца разныя извѣстія утихли. Конецъ поста прошелъ мирно, безо всякихъ вѣстей, даже не говорили о москвичахъ, бывшихъ подъ столицей.

Апрѣль.

6-го въ день Свѣтлаго Воскресенія и въ теченіе всей недѣли не было никакихъ извѣстій, кромѣ того,

что войско Димитрія находится подъ Орломъ, а войско Шуйскаго—подъ Болховымъ.

14-го головы были у пана воеводы на честное слово. Въ тотъ же день явилась надежда, что мы черезъ 3 недѣли поѣдемъ въ Москву; говорили, что уже Новгородъ, а съ нимъ и другія сильныя крѣпости сдались Димитрію, и польское войско вмѣстѣ съ нимъ было подъ Орломъ. На сторонѣ того войска, которое находилось подъ Москвой, были, говорятъ, нижегородскіе татары; они пришли сюда вскорѣ послѣ того, какъ сошелъ снѣгъ. Москвичи вышли на нихъ. Но татары, уходя, встрѣтили поляковъ и, обратившись, ударили на москвичей. Послѣдніе потерпѣли такое пораженіе, что тремъ братьямъ Шуйскимъ еле удалось бѣжать въ крѣпость Михалецъ, гдѣ они осаждены и до сихъ поръ.

16-го говорили, что польскій король уже овладѣлъ всѣми крѣпостями и волостями до самой Вязомой, которая всего въ 6 миляхъ отъ Москвы.

17-го нѣкій татаринъ пана воеводы хотѣлъ продать себя на имя царское, но воевода, гуляя, замѣтилъ это и, велѣвъ призвать его къ себѣ, сдѣлалъ ему допросъ. Онъ тотчасъ же во всемъ сознался; его въ цѣпяхъ посадили подъ стражу. Въ это время было много бѣглыхъ изъ войска Шуйскаго, поэтому насъ окружили болѣе строгой стражей чѣмъ когда-либо. Какъ только двое или трое нашихъ шли куда-нибудь, тотчасъ же нѣсколько стрѣльцовъ слѣдовали по ихъ стопамъ къ оградѣ, къ оградѣ же не подпускали рѣшительно никого. Даже воду изъ рѣки возили не прямымъ путемъ, а окружнымъ, за валами, соблюдали и иныя предосторожности,—все для того, чтобы мы ни о чемъ не знали. Однако были ежедневные разговоры о Димитріи и его могуществѣ, о Шуйскомъ и его безсиліи. Виновные были уже въ сильной тревогѣ; бояре же вели постоянные переговоры

съ міромъ. Постоянно приходили вѣсти, преимущественно отъ старшихъ, что Димитрій вернулъ себѣ столицу; нѣкоторые изъ нихъ даже старались заручиться его будущими милостями. Въ это время мы были весьма опечалены и озабочены болѣзнью пана старосты Красноставскаго, который хворалъ давно и настолько сильно, что написалъ даже завѣщаніе.

24-го разлилась рѣка Волга, а за нѣсколько дней Которосль. По этой причинѣ насъ сильно мучили холода.

25-го приставъ Аѳанасій, которому царь велѣлъ немедленно явиться въ Москву, прощался съ паномъ воеводой и со всѣми. На его мѣсто прислали другого, по имени Іоакима. Всѣ мы очень сожалѣли, что насъ покидаетъ такой хорошій человѣкъ. Онъ всегда относился къ намъ дружелюбно и сострадательно, аккуратно всякій день присылалъ пищу и вообще обнаруживалъ необыкновенную привязанность къ намъ. Мы не знали причины, по которой его вызвали, и предполагали, что онъ понадобился имъ для войны.

Очень много бояръ плѣнили, а всѣхъ лучшихъ перебили. Иные же продали себя — либо для того, чтобы выразить привязанность царю, либо съ умысломъ.

Май.

1-го извѣстили, что въ день св. Войцеха была кровавая битва, въ которой значительная часть войска Шуйскаго поражена, пригнана къ рѣкѣ, потоплена и плѣнена; въ этой битвѣ будто бы видѣли пана Ж.

2-го извѣстили, что 70.000 войско подступаетъ къ столицѣ; бояре, разбитые на голову, бѣгутъ; нашъ приставъ Аѳанасій, не доѣхавъ до Москвы, гдѣ-то пропалъ; но потомъ оказалось, что онъ доѣхалъ.

3-го въ четыре часа ночи луна была словно кровавая и имѣла такой невеселый видъ до самаго утра.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ солнце, близясь къ закату, стало какимъ-то зловѣщимъ и словно поигрывало.

5-го приставъ Иванъ навѣстилъ пана воеводу царскимъ именемъ и объявилъ ему царскую милость: царь велитъ написать, какія воеводѣ нужны лѣкарства, и за все заплатитъ изъ своей государевой казны. Старостѣ же Луковскому разрѣшилъ написать о высылкѣ его вещей, обѣщая при этомъ, что пошлетъ за ними въ Бѣлозерье.

11-го извѣстили, что, благодаря стараніямъ Мстиславскаго, войско Шуйскаго разбѣгается, и онъ остался въ Болховѣ одинъ съ чернью. По слухамъ, въ это время дважды сотрясалась въ Москвѣ земля; венгерца Белу, Березанскаго и Четвертаго, который продалъ было себя отъ посла, благодаря стараніямъ москвичей, сослали въ Сибирь; Стадницкіе въ Бѣлозерьѣ живутъ въ большой нуждѣ. Бояре посылали къ царю съ просьбой, чтобы онъ ихъ либо отослалъ въ Литву, либо велѣлъ давать хорошую пищу, говоря: мы опасаемся, что въ наше отсутствіе, когда намъ придется выѣхать на службу, они, вынужденные голодомъ, выйдутъ и перебьютъ нашихъ женъ и дѣтей.

15-го узнали, что къ приставу ночью прискакалъ скорый гонецъ съ письмомъ только къ нему одному. Прочитавъ это письмо, онъ тотчасъ же распорядился, чтобы пану воеводѣ доставили хорошую рыбу, и прислалъ ее въ тотъ же день; но до сихъ поръ неизвѣстно, что было еще въ этомъ письмѣ. Извѣстили, что царь Димитрій, будучи со своимъ войскомъ подъ Орломъ, велѣлъ поджечь городъ, а самъ задумалъ бѣжать во время пожара. Замѣтивъ это, Шуйскій погнался за нимъ, догадавшись, что они бѣгутъ. Но тѣ, обернувшись, погнали его. Пана воеводу будто бы собирались взять въ Москву для умиротворенія. Вѣроятно, что-нибудь было у нихъ неладно, ибо и

намъ позволили брать взаймы все, и не такъ сурово оберегали насъ, какъ до сихъ поръ. Говорили также, что войско Е. В-а Короля находится у Смоленска и взяло нѣсколько крѣпостей.

19-го новый приставъ привѣтствовалъ пана воеводу, получивъ, вѣроятно, инструкцію отъ царя. Онъ уговаривалъ пана воеводу написать смиренное прошеніе, признавая себя виновнымъ, и далъ образецъ такого прошенія. Панъ не захотѣлъ такъ унизиться передъ тѣми, которые завтра же могли обезглавить его и, понявъ, что это какое-то коварство, не написалъ никакого прошенія.

20-го дали знать, что подъ Орломъ царь Димитрій разбилъ наголову войско Шуйскаго; Димитрій Шуйскій едва успѣлъ съ воеводами убѣжать безъ оглядки къ Серпухову. Были также и другія вѣсти, но очень невѣроятныя: будто бы супруга воеводы была съ 20.000 войскомъ подъ Орломъ.

21-го пріѣхалъ бывшій приставъ Аѳанасій, и сейчасъ же разнеслась молва о выѣздѣ пана воеводы и царицы въ Москву для какихъ-то переговоровъ. Теперь только обнаружилось, зачѣмъ требовали то прошеніе, о которомъ упоминалось выше, а именно для того, чтобы ввести въ обманъ чернь. Воеводу вызывали не потому, что онъ былъ нуженъ для чего-либо, а потому, что царь сжалился надъ нимъ и бралъ его къ себѣ, чтобы ему лучше жилось. Въ тотъ же день требовали ужъ не такое прошеніе, какъ 3 дня тому назадъ, а какое хотѣлъ написать самъ панъ воевода, для чего пришлось открыть, наконецъ, и истинныя причины.

22-го велѣли пану воеводѣ, царицѣ и господамъ старостамъ приготовляться къ выѣзду, позволивъ имъ взять лишь по нѣсколько шляхтичей. Они долго объ этомъ толковали и спорили, наконецъ, согласились дать 90 человѣкъ—пану воеводѣ, царицѣ и госпо-

дамъ старостамъ каждому въ отдѣльности. Причину этого отъѣзда нѣкоторые усматривали въ томъ, что Москвѣ нужно соглашеніе съ Димитріемъ, который причинилъ большой уронъ подъ Орломъ, перебивъ много народу; а иные—въ томъ, что необходимо соглашеніе съ Польшей.

23-го то и дѣло прибѣгали гонцы, торопя воеводу съ отъѣздомъ. Ходили различные слухи; одни совѣтовали, другіе нѣтъ; наконецъ рѣшено было ѣхать. Слезъ было много, особенно плакали бѣдняги, остающіеся безъ своихъ господъ въ рукахъ тирановъ. Ихъ надежда была только на Бога, покровителя и милосердаго отца, который будетъ о нихъ заботиться.

24-го провозили Стадницкихъ—такъ говорили; но намъ не разрѣшили видѣться съ ними: мы видѣли ихъ только съ крыши. Говорили, что Шуйскому приходится очень плохо, поэтому и велѣли поскорѣе везти пана воеводу.

25-го вечеромъ выѣздъ за перевозъ. Утромъ передъ выѣздомъ были хорошія предзнаменованія; насъ клятвенно увѣряли, что Димитрій живъ. Вечеромъ же передъ отъѣздомъ наступила тревога: дали знать, чтобы панъ воевода не торопился и обождалъ нѣсколько дней, ибо подъ Москвой сильные мятежи. Но этихъ совѣтовъ не слушали, и онъ выѣхалъ въ жестокую непогоду. Ночлегъ за переѣздомъ. Въ предмѣстьи хлопоты и затрудненія: челяди было мало, въ подводы запряжены никуда негодныя московскія клячи, а тамъ—плачъ, жалобы и рыданія. Одной только надеждой и жили въ эти трудныя минуты, ибо остающихся обѣщали вывезти не раньше, какъ черезъ 3 недѣли. Такимъ образомъ выѣхали всѣ женщины (увезли всѣхъ дѣвушекъ) и юноши, больше всего шляхтичей; челядь брать не разрѣшали, кромѣ извѣстнаго количества.

Послѣ отъѣзда въ общемъ осталось добрыхъ молодцовъ 162.

26-го послѣ обѣда переѣхали съ этого почлега на другой.

27-го. При насъ въ Ярославлѣ остались приставы Иванъ Дьякъ и Іоакимъ, Аѳанасій же повезъ пана воеводу. Съ нами обращались довольно милостиво. Пищу стали давать немного лучше; свободу также увеличили, разрѣшивъ ходить на прогулки и на рынокъ. Съ пути о панѣ воеводѣ приходили сюда разныя вѣсти и письма, но первое намъ не отдали; второе же письмо отъ 31-го мая, писанное на разстояніи одной мили отъ Москвы, мы получили, и копія съ него слѣдуетъ ниже.

Іюнь.

7-го выпустили изъ тюрьмы Запорскаго Яна, о которомъ было извѣстно еще въ 1606 году; о немъ было сказано въ надлежащемъ мѣстѣ.

8-го вручили намъ письмо отъ пана воеводы, копія съ котораго такова:

„Я писалъ въ прошлый праздничный вторникъ вамъ, оставшимся въ Ярославлѣ, но сомнѣваюсь, чтобы вы получили это письмо. Пишу вамъ снова. Сегодня, т. е. въ субботу, наканунѣ Троицына дня, слава Богу, буду въ Москвѣ, ибо теперь мы кормимъ лошадей всего на разстояніи 1 мили отъ этого города. Завтра, дастъ Богъ, обнадежили меня, я буду у Великаго Государя, а въ воскресенье обѣщаютъ послать за вами и за тѣми, что находятся въ другихъ крѣпостяхъ. Князь Вишнёвецкій послалъ ужъ и за тѣми, которые находятся еще въ Бѣломъ. Я получилъ письмо отъ пословъ, копію съ котораго, списанную по пунктамъ, посылаю вамъ. Взвѣсивъ все это, легко можно понять, что за этимъ послѣдуетъ. Надежда на Бога, защит-

ника нашего, что отъ Его милости вскорѣ дождемся чаемой нами радости. Вотъ пункты изъ писемъ пословъ: Е. В. Король самъ изволилъ выслать насъ, своихъ посланниковъ, уже почти годъ тому назадъ; послѣ долгихъ переговоровъ съ думными боярами, рѣшили, что Великій Государь изволитъ послать для нашихъ дальнѣйшихъ посольскихъ переговоровъ съ боярами за вашей милостью и за дочерью вашей милости, а также за всѣми представителями семьи Мнишекъ, которыхъ вы сочтете наиболѣе нужными къ обсужденію дѣлъ здѣсь въ Москвѣ. Дочь ваша пусть возьметъ съ собой тѣхъ женщинъ, которыя могутъ скоро собраться въ путь и будутъ необходимы ей для услугъ. Всѣ же прочіе королевскіе люди и братья наши, — какъ тѣ, что находятся въ иныхъ мѣстахъ, такъ и тѣ, что съ вами,—пусть еще останутся. Какъ только вы пріѣдете, ихъ тоже вывезутъ и будутъ снабжать тамъ и по пути всѣмъ необходимымъ. Сообщаемъ вамъ также, что Е. В. Король нашъ съ Е. В. Королевой и Королевичемъ здоровъ и мирно правитъ. На родинѣ нашей все, по милости Божьей, благополучно. Кардинала, старостину Красноставскую и Луковскую, и всѣхъ остальныхъ родственниковъ вашихъ мы оставили, по милости Божьей, здоровыми. Письма изъ Польши къ вамъ и къ другимъ находятся при насъ, а когда Господь Богъ дозволитъ вамъ прибыть сюда, мы вамъ ихъ вручимъ. Всѣ мы посылаемъ вамъ привѣтъ. Столичный городъ Москва 19-го мая 1608 года“.

Въ этомъ письмѣ приписка такая:

„Какъ горячо я все время жаждалъ свидѣться съ вами, въ этомъ нечего васъ увѣрять. Но будучи подвергнутъ такому испытанію, я не имѣлъ возможности свидѣться. Теперь же, когда Господь Богъ послалъ намъ такое время и погоду (т. е. что намъ разрѣшили свиданіе), я очень прошу васъ, поспѣшите

къ намъ. Допустивъ это свиданіе, Господь Богъ по милости своей осуществитъ наше скорое прибытіе къ чаемому берегу свободы, чего мы съ радостью ожидаемъ. Мой Гродецкій ждетъ также съ великимъ нетерпѣніемъ вашу милость. Николай Олесницкій, каштелянъ Малогоскій".

9-го. Улучшили намъ пищу и кормили какъ прежде, когда насъ разсылали изъ Москвы; ибо тутъ въ Ярославлѣ сократили пищу на $^1/_3$; теперь это вернули и очень милостиво съ нами обращались. Разрѣшили даже гулять надъ рѣкой Волгой и ходить на рынокъ.

10-го пришли къ намъ вѣсти, что царь посылалъ пана старосту Задуховскаго въ полки уговаривать царя Димитрія, иные же говорили, что пана Юрія Плату, а третьи — что обоихъ названныхъ; старостъ изъ полковъ не пустили, но панъ Плата вернулся и будто бы удостоился за это отъ царя Шуйскаго пожалованія.

11-го были вѣсти, что всѣ бояре, покинувъ царя Шуйскаго, стояли въ полѣ; за него была лишь чернь. Черезъ Ярославль провезли больше десяти казаковъ, обманывая чернь, что они громятъ.

15-го дали знать, что въ Москвѣ вспыхнулъ великій мятежъ, въ кототомъ москвичи дерутся другъ съ другомъ: одни стоятъ на сторонѣ Шуйскаго, другіе ни на чьей; также, что къ Москвѣ подступаютъ вооруженные полки, которые берутъ и жгутъ окрестныя крѣпости.

16-го дали знать, что царь Димитрій находится на разстояніи $1^1/_2$ мили отъ Москвы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были разбиты палатки, въ которыхъ ночевала царица. Въ Москвѣ великая тревога; бояре разбѣгаются.

17-го говорили о великомъ мятежѣ въ Москвѣ, во время котораго передъ дворомъ пана воеводы убито нѣсколько сотъ человѣкъ. Причину этого нѣкоторые видѣли въ томъ, что міръ злобствовалъ на пана вое-

воду, а бояре не допускали; поэтому-то они такъ жестоко и дрались. Иные же сочиняли, что нѣсколько думныхъ бояръ, составивъ заговоръ съ воеводой, должны были вести его къ войску. Когда объ этомъ дали знать Шуйскому, онъ тотчасъ же послалъ къ міру, который и сразился съ боярами, а нашихъ будто бы выпустили изъ двора для подкрѣпленія. Бояре были будто бы разбиты, слуги пана воеводы опасно ранены, а панъ Загурскій, слуга пана старосты Саноцкаго, и другіе убиты. Самого воеводу съ царицей, его дочерью, будто бы взяли во дворецъ, царицу отдѣльно, только съ женщинами; старостъ подъ стражей размѣстили по разнымъ дворамъ. Эта вѣсть сильно обезпокоила и испугала насъ; но такъ какъ причины мятежа передавались намъ различно, то мы не особенно вѣрили этимъ слухамъ.

18-го было множество разныхъ слуховъ о стычкахъ, которыя ежедневно происходили подъ Москвой. Разсказывали, что люди царя Шуйскаго выходятъ въ бой съ разными уловками, а наши всегда наѣзжаютъ на нихъ въ самыя ворота, рубятъ и убиваютъ безчисленное количество. Были также слухи, что въ нашу сторону идетъ вооруженный народъ отнимать крѣпости, начиная съ Углича. Узнавъ это, ярославцы немедленно послали къ угличанамъ, чтобы они не сдавались, объявляя, что и они намѣрены защищаться.

19-го мы получили дурныя и невеселыя вѣсти: вмѣсто того, чтобы приблизить насъ къ Москвѣ, какъ обѣщали, намъ велѣли приготовляться къ отъѣзду въ Вологду, еще дальше — на разстояніи 30 миль отсюда. Такъ распорядились вслѣдствіе того, что въ Ярославль ожидали войска, которымъ при нашей помощи не трудно будетъ взять городъ. Пока было возможно, мы противились этому путешествію.

20-го мы объявили, что предпочитаемъ смерть отъѣзду; но потомъ, когда ужъ не могло быть иначе, мы согла-

сились и пошли переговаривать со своимъ приставомъ Иваномъ Дьякомъ, обѣщая ему подарки, если онъ обождетъ, пока мы напишемъ челобитную къ царю. Слышно было, что Москва въ тяжелой осадѣ, а Ярославская дорога отнята. Но все случилось иначе: удачи противника помѣшали намъ.

22-го ударили въ набатъ, сбѣжалось нѣсколько тысячъ міру, который бросился на крѣпость, схватилъ пристава Ивана и, избивъ его палками, бросилъ въ тюрьму. А царю дали знать, что онъ „былъ въ заговорѣ съ Литвой и подъ тебя, Государя нашего, измѣнически подкапывался“. Мы всѣ были наготовѣ, ожидая дальнѣйшаго. Усмиривъ мятежъ, они дали намъ другого пристава, здѣшняго воеводу, и велѣли намъ собираться въ путь. Подводы распредѣлили согласно нашему требованію. Насъ спрашивали, не дали ли мы какихъ-нибудь подарковъ тому Ивану, обѣщая ихъ вернуть, и были весьма милостивы со всѣми нами. Однако случилось не такъ, какъ мы хотѣли: всѣмъ намъ велѣли ѣхать.

23-го выѣздъ оставшихся изъ Ярославля въ Вологду. Передъ самымъ отъѣздомъ насъ сильно обезпокоили, объявивъ, что у насъ отберутъ оружіе. Услышавъ это, мы условились и поклялись другъ другу, что отдадимъ свое оружіе только вмѣстѣ съ жизнью. Когда ужъ пора было ѣхать, мы заявили: во-первыхъ, что москвичей и телѣги вышлемъ къ перевозу впередъ, а сами со своимъ оружіемъ придемъ пѣшкомъ, и пусть никто не подаетъ намъ повода поднимать его; во-вторыхъ,—такъ какъ для переправы есть судна, то мы всѣ переправимся на нихъ. Они на все согласились. Мы же, отправивъ подводчиковъ и поручивъ ихъ Провидѣнію, шли къ переправѣ, которая была далеко, десятками съ оружіемъ. Во время нашего отъѣзда велѣли выйти всей черни, какая только была; народъ сидѣлъ на валахъ и на берегу рѣки до тѣхъ поръ,

пока не увидѣлъ, что мы благополучно переправились. Выпустили и послали съ нами и тѣхъ, которые были подъ надзоромъ приставовъ, какъ то: пана Копѣцкаго, его слугу и мальчика пана Запорскаго. Отчаливъ, мы поблагодарили за хлѣбъ-соль трубными звуками и киданіемъ шапокъ. Мы ночевали тутъ же за переправой въ таборѣ; здѣсь мы узнали, что взятъ городъ Переяславль и собираются итти подъ Ярославль. Ярославцы, отправивъ насъ, поспѣшили къ окопамъ и стали укрѣплять городъ.

24-го, на Ивановъ день, когда мы уже двинулись въ путь, въ городѣ произошло какое-то замѣшательство. Нашъ новый приставъ замѣшкался, и мы ждали его до полудня. Остановились на ночлегъ въ Ямѣ, миль 6. Тамъ догналъ приставовъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Переяславль и Ростовъ взяты, а Ярославль пока нѣтъ.

25-го ночлегъ за Даниловомъ, царскимъ селомъ, миль 6. Тамъ въ лагерѣ слегла одна изъ нашихъ женщинъ, которая должна была остаться. Но на другой день она догнала насъ.

26-го ночлегъ послѣ очень плохой дороги въ Ямѣ, миль 6. Ямой тамъ зовутъ каждое село, гдѣ мѣняютъ подводы. У нихъ порядокъ, что всѣ подводы подаются въ одинъ часъ. Такъ дѣлается изъ-за необыкновенной жестокости, которой подвергаютъ этихъ крестьянъ, ибо, если они замѣшкаются, ихъ наказываютъ: всѣхъ поставятъ врядъ и, зайдя съ конца, трое трижды ударяютъ прутомъ каждаго изъ нихъ по ногамъ; обойдя рядъ, снова повторяютъ то же, пока не приготовятъ подводъ. По пути крестьянамъ разсказывали, что насъ плѣнили на войнѣ. Но они, видя насъ, не вѣрили этому, тѣмъ болѣе, что мы шли съ оружіемъ.

27-го опять ночлегъ въ 6 миляхъ въ селѣ.

28-го въ 8-ми миляхъ мы расположились лагеремъ надъ рѣкой Оркшей.

29-го. 4 мили. Лагерь подъ Вологдой. Тамъ безпокоили насъ разныя грустныя думы, особенно, когда намъ сказали, что жители Вологды не хотятъ принять насъ въ свой городъ.

30-го, послѣ долгихъ споровъ съ нашими приставами, здѣшній воевода все же велѣлъ поселить насъ въ отведенные для нашего помѣщенія дворы; но мы не хотѣли итти, требуя, чтобы онъ разрѣшилъ нѣсколькимъ изъ нашихъ отправиться впередъ осмотрѣть эти дворы и распредѣлить квартиры. Онъ не согласился на это. Тогда мы заупрямились и расположились таборомъ на своей позиціи. Только узнавъ объ этомъ, онъ велѣлъ исполнить наше желаніе. Тогда четверо изъ нашихъ поѣхали впередъ и распредѣлили квартиры въ трехъ дворахъ, бывшихъ вдали отъ города, въ отдѣльной слободѣ. Одинъ дворъ былъ обнесенъ такой высокой оградой, что оттуда видно было лишь небо да землю, на которой онъ стоитъ; возлѣ этого двора еще два. Мы всѣ въѣзжали весьма неохотно. Въ этомъ дворѣ жили наши, которыхъ раньше насъ вывезли изъ Ярославля, а передъ нашимъ пріѣздомъ сюда ихъ выслали въ Устюжну. Многіе изъ нихъ продали себя на царское имя, какъ-то: князь Воронецкій, Солтанъ старшій, Добецкій, Домарацкій, портной Папроцкій, котораго взяли было въ Москву для писанія писемъ. Остальныхъ именъ мы не знали. Этихъ держали тамъ же подъ надзоромъ приставовъ, давая имъ на пропитаніе копейку, т. е. грошъ въ день. Изъ ихъ числа двое бѣжало, ихъ догнали (какъ говорили) и посадили подъ стражу. Вологда несравненно меньше Ярославля и гарнизонъ гораздо хуже; крѣпостной гарнизонъ отдѣльный. Средства защиты гораздо слабѣе, чѣмъ описываютъ космографы. Городъ окруженъ неоконченной стѣной, которая является плохой защитой. Говорятъ, ее строили наши поляки, взятые когда-то въ количествѣ 400 человѣкъ въ плѣнъ на войнѣ. Но ихъ

всѣхъ до послѣдняго убили и только за то, что они съѣли пару телятъ. Вскорѣ послѣ этого сгорѣла часть города; на нихъ написали жалобу царю, говоря, что это была явная кара Божія за ихъ преступное воровство. Разгнѣванный царь, узнавъ это, издалъ приказъ всѣхъ ихъ перебить.

Не очень большая рѣка Вологда течетъ подъ городомъ; отъ нея идетъ еще рѣка—Золотуха, которая окружаетъ другую часть города. Поселеніе расположено на столь низменномъ мѣстѣ, что стоитъ только ударить по землѣ раза два заступомъ, какъ уже можно достать воду.

Іюль.

1-го самъ приставъ, помимо другихъ вѣстниковъ, секретно сообщилъ, что городъ Ярославль взятъ. Когда одинъ изъ нашихъ въ присутствіи пристава сказалъ, что онъ понимаетъ дѣло, тотъ сталъ тщательно разспрашивать его и освѣдомляться о нѣкоторыхъ вещахъ. Угадавъ нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ ему уже сообщили, онъ мимоходомъ упомянулъ объ Ярославлѣ, говоря, что ему приходится плохо. Тогда приставъ разсказалъ ему, когда и какъ его взяли. Однако мы не вѣрили, хорошо зная ихъ изощренное коварство и поступки; поэтому, не придавая большого значенія вѣсти, мы гораздо сильнѣе заботились о пищѣ, когда намъ ея не давали. Когда нашъ приставъ потребовалъ, чтобы насъ кормили, воевода сказалъ ему: „зачѣмъ вы привели сюда Литву? Вы привели намъ ересь и погибель“. Мы же заявили приставамъ: „либо дайте намъ пищу, либо отвезите насъ обратно, либо объявите намъ, что вы намѣрены съ нами дѣлать, потому что мы не желаемъ страдать отъ голода и предпочитаемъ умереть въ борьбѣ съ врагами“.

2-го они оправдывались передъ нами, говоря, что „виноваты не мы, а здѣшній воевода, который, вопреки

велѣнію царя, не отпускаетъ вамъ пищу и ссорится съ вами; мы немедленно же напишемъ объ этомъ своему Государю. Напишите и вы свою челобитную, жалуясь на него".

3-го мы отправили челобитную въ Москву, но они, узнавъ это, тайно выслали на своихъ лошадяхъ одного стрѣльца, приказавъ ему взять лошадей только въ третьемъ селѣ.

Воевода, узнавъ объ этомъ, приказалъ догнать посланнаго, но его не догнали.

4-го, занявъ денегъ у архіепископа, намъ выдали обычную пищу и заплатили за задержанную. Воевода уже вступилъ въ мирные переговоры съ нами.

5-го невеселый слухъ проникъ къ намъ: будто царицу изъ Москвы вдвоемъ только везли въ Сибирь. Были и иныя печальныя вѣсти, которыя проникли къ намъ еще въ Ярославлѣ (о чемъ было сказано 17-го числа): будто бы пана воеводу и другихъ вельможъ посадили въ одиночное заключеніе; ихъ слугъ частью перебили, частью изранили. Намъ тѣмъ тяжелѣе было слышать это, что перечислялись даже ихъ имена. Причину этого выставляли ту, что будто бы панъ воевода и посолъ снеслись письменно съ волохами. Царь узналъ объ этомъ черезъ одного изъ посольскихъ камердинеровъ, который, овладѣвъ этими письмами, продалъ себя на царское имя и выдалъ всѣ тайны. Бояръ, черезъ посредство которыхъ все это производилось, велѣно было изловить, воткнуть на колъ, замучить и пр. Когда дѣло дошло до пана воеводы, то онъ защищался въ своемъ дворѣ, имѣя при себѣ немного москвичей. Итакъ, одни были перебиты, а другіе тяжело ранены. И этому мы еще не вѣрили, полагая, что они условились сообщать намъ такія свѣдѣнія для острастки, сильно опасаясь, что мы можемъ выкинуть какую-нибудь штуку, такъ какъ насъ было 160 человѣкъ.

6-го прибылъ гонецъ, но съ какими вѣстями—не знаемъ, однако по лицамъ москвичей можно судить, что вѣсти были далеко не радостныя, потому что даже въ общемъ разговорѣ замѣчалась ихъ озабоченность. Несомнѣнно, что если бъ вѣсть была радостная, они не таили бы ее. Пищу намъ отпускали аккуратно всякій день.

8-го. Говорятъ, что осаждающіе Москву примиряются. Имъ назначили срокъ 4 недѣли, говоря: если вы къ этому времени не сдадитесь, то васъ перебьютъ всѣхъ съ женами и дѣтьми.

10-го предостерегали, что здѣшній воевода со дня нашего пріѣзда изыскиваетъ всевозможныя средства отнять у насъ оружіе. Желая осуществить свое намѣреніе, онъ велѣлъ всей черни собраться у орудій, чтобы устрашить насъ.

12-го намъ сказали, что въ Ярославль привезли 300 посольскихъ людей, въ тѣ самые дворы, въ которыхъ жили мы,—чему иные совѣтовали не вѣрить. Въ тотъ же день умеръ Адамъ, ловчій пана воеводы. Его похоронили въ могилѣ надъ рѣкой Золотухой.

13-го. Такъ какъ здѣсь всѣ римскіе праздники привыкли умалять, то и на Свѣтлый Праздникъ велѣли работать, какъ въ будни. Въ воскресенье утромъ мужики вышли строить ограду возлѣ нашихъ дворовъ, которые еще не были огорожены, но имъ не удалось поработать, такъ какъ молнія ударила въ уголъ церкви. Мужики, испугавшись, убѣжали и въ этотъ день ничего не сдѣлали.

15-го пришли вѣсти, что въ одной битвѣ погибло до 2000 москвичей; въ другомъ же мѣстѣ москвичи, застигнувъ врасплохъ гдѣ-то у переправы казаковъ, перебили ихъ до 1000 человѣкъ, за что здѣшнему архіепископу со всѣмъ міромъ велѣли служить благодарственное молебствіе. Волохи разбиты.

22-го пріѣхалъ изъ Ярославля Иванъ Дьякъ, нашъ прежній приставъ; съ его пріѣздомъ выяснилось, что вѣсти о взятіи Ярославля ложны. Ярославскій староста, состоявшій при насъ приставомъ вмѣсто него, выѣхалъ.

24-го прибѣжалъ гонецъ, который сообщилъ, что состоялось соглашеніе съ Литвой; прежніе послы, заключивъ перемиріе на 5 лѣтъ, выѣхали изъ Москвы въ Литовскую землю; теперь литву будутъ свозить, а когда всѣхъ свезутъ, тогда вмѣстѣ съ воеводой вышлютъ за границу. Богъ знаетъ, правда это или нѣтъ.

28-го прибылъ другой гонецъ съ тѣми же извѣстіями, увѣряя, что „съ Литвой уже миръ; меня послали за литвой въ Бѣло-Озеро, а сюда не сегодня—завтра пріѣдетъ другой гонецъ; прошу, не сомнѣваясь, приготовлять подводы“. Этой рѣчи намъ еще не вѣрилось. За полчаса до пріѣзда этого гонца ударили въ набатъ; чернь, собравшись, хотѣла схватить нашего пристава Ивана въ его квартирѣ, куда онъ въѣхалъ насильно; онъ хотѣлъ защищаться, имѣя при себѣ одного стрѣльца, но, вѣроятно, пріѣздъ гонца усмирилъ мятежъ. Болѣе благоразумные люди поняли изъ словъ гонца, что послы и панъ воевода поклялись соблюдать перемиріе въ теченіе 5 лѣтъ. Одного изъ пословъ отправили къ Е. В. Королю, чтобы онъ тоже поклялся въ этомъ. Только когда посолъ вернется съ этимъ договоромъ, намъ можно ждать свободы. Между прочими статьями договора было условіе, что всѣ польскіе люди будутъ вывезены изъ-подъ Москвы.

Августъ.

Были слухи, будто Димитрій Шуйскій продалъ себя волохамъ.

На разсвѣтѣ ударили въ набатъ, созывая чернь; никого изъ нашихъ въ это время не пустили въ городъ. Это собраніе произошло по слѣдующей причинѣ:

поляки, которыхъ еще до насъ выслали изъ Ярославля въ Вологду, а отсюда передъ нашимъ пріѣздомъ выслали въ Устье, вышли оттуда, подкрѣпившись десятками двумя стрѣльцовъ, и направились къ Лифляндской границѣ. Такъ какъ города поближе не было, то дали знать сюда въ Вологду. Воевода, собравъ народъ, послалъ 5 верховыхъ за ними въ догонку.

4-го дали знать, что ихъ окружили у какого-то болота и поймали. А иные, убѣждая насъ не вѣрить этому, наоборотъ утверждали, что они уже на границѣ и тамъ грабятъ и жгутъ села.

7-го снова пришла вѣсть, что одного изъ нихъ убили, иныхъ ранили и, изловивъ, посадили въ мѣшки.

День 8-го августа—начало нашей радости. Во время вечерни вручили намъ подлинное письмо отъ коронныхъ пословъ, въ которомъ они обѣщаютъ намъ скорое освобожденіе, а именно 8-го октября рѣшили всѣхъ насъ плѣненныхъ (по ихнему задержанцевъ) доставить на границу. Копія этого письма такова: „Сообщаемъ вамъ, милостивые господа и братья, что послѣ долгихъ переговоровъ нашихъ съ думными боярами, рѣшили наконецъ заключить миръ между Королемъ Польскимъ, Милостивымъ Государемъ нашимъ, и Государемъ Московскимъ на 4 года безъ одного мѣсяца. При заключеніи этого мира одно изъ важнѣйшихъ условій,—чтобы васъ всѣхъ, людей Е. В. Короля, находящихся въ плѣну, выпустили и не позднѣе 8-го октября доставили на границу родной земли. Тѣхъ, которые были привезены сюда въ Москву, Великій Государь уже отпускаетъ сейчасъ съ нами къ Е. В. Королю, Государю нашему. Васъ обѣщали снарядить въ путь не мѣшкая. Намъ показалось необходимымъ сообщить вамъ объ этомъ, чтобы вы, зная о своемъ скоромъ освобожденіи, не печалились болѣе. Богъ свидѣтель, какъ мы хлопотали о возвращеніи вамъ и инымъ награбленныхъ вещей; этимъ мы еще задер-

жали дѣло. Но и со стороны Московскаго Государства перечисляли намъ большіе убытки, причиненные нашимъ народомъ Великому Государю. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили, что это дѣло надо отложить до особой комиссіи съ обѣихъ сторонъ; для насъ важнѣе сохранить вашу жизнь и свободу, нежели имущество, добиться же и того и другого вмѣстѣ было невозможно. Привѣтствуемъ васъ со слугами нашими, моля при этомъ Господа Бога, чтобы Онъ дозволилъ намъ встрѣтить васъ на родной сторонѣ здоровыми. Москва 1-го августа 1608 года".

9-го нашу радость и ликованіе Господь Богъ омрачилъ печалью и скорбью: умеръ Валерій Обельницкій, поваръ пана воеводы, человѣкъ весьма честный, добродѣтельный и безкорыстный. Упокой, Господи, душу его! Его похоронили на томъ же самомъ холмѣ, что и перваго. За его гробомъ разрѣшили итти только 20-ти человѣкамъ.

13-го мы имѣли извѣстіе, что панъ воевода совсѣмъ выѣхалъ изъ Москвы. Двумя днями ранѣе будто бы видѣли его въ Ярославлѣ, изъ чего мы поняли, что ихъ послали на волоховъ.

17-го были вѣсти, но невѣроятныя: будто пана воеводу съ царицей схватили въ Орѣховѣ; это насъ встревожило вслѣдствіе возможности дальнѣйшаго задержанія. Иные же, именно сами приставы, обѣщали, что мы выѣдемъ черезъ 10 дней. Были и другіе слухи и тревожныя для насъ вѣсти. По своему невѣрію мы считали наше освобожденіе и отъѣздъ великимъ Божіимъ чудомъ.

20-го обѣщали, что мы уѣдемъ послѣ воскресенья,— Богъ знаетъ, которое ужъ это воскресенье по счету. Холода насъ мучатъ. Первый большой морозъ 10-го августа. Конецъ мѣсяца прошелъ для насъ весьма печально, особенно когда стало усиливаться сомнѣніе насчетъ нашего отъѣзда. Слухи о немъ прекратились;

но зато участились вѣсти о затрудненіяхъ и о стычкахъ.

28-го вѣсть о большой битвѣ, на которую будто бы выѣзжалъ самъ царь Шуйскій; но, проигравъ ее, вернулся съ большимъуроном. Затѣмъ разослали письма, которыя сегодня принесли сюда въ Вологду: въ нихъ подъ страхомъ жестокой смерти всѣмъ боярамъ приказывалось не мѣшкая ѣхать на войну. Они скрывались отъ этого воззванія по деревнямъ и городамъ. Тогда вышло распоряженіе, что если какой мѣщанинъ дерзнетъ не только укрывать, но даже принимать для ночевки въ домъ боярина, то его казнятъ, а имущество отберутъ на имя царя. Всѣ эти слухи сильно тревожили насъ, и надежда на отъѣздъ въ означенное время слабѣла.

Сентябрь.

1-го прислали изъ Москвы гонца съ приказомъ, чтобы намъ приготовили повозки въ виду скораго отъѣзда. Теперь ужъ мы ликовали, надѣясь, что, по милости Божіей, приближается конецъ нашей неволи. 17-го наша надежда на отъѣздъ ослабѣла, такъ какъ распространился слухъ, что панъ воевода вмѣстѣ со всѣми находится въ Великомъ Новгородѣ подъ сильной стражей, а подъ Москвой собралось вооруженное войско.

9-го. Только сегодня получили отвѣтъ на свою просьбу къ царю, чтобы онъ позволилъ намъ взять изъ Ярославля или, по крайней мѣрѣ, велѣлъ везти въ путь останки покойнаго отца Венедикта Ансерына. Прислано распоряженіе, чтобы мы выслали двоихъ, которые привезли бы ихъ сюда. Это извѣстіе скорѣе опечалило насъ, нежели обрадовало, ибо до 8-го октября—срокъ, назначенный въ письмѣ отъ пословъ, когда мы должны были быть согласно обѣщанію на

границѣ — оставалось всего 4 недѣли. Дорога же въ Ярославль — туда и обратно — потребуетъ по крайней мѣрѣ 10 дней времени. Мы опасались, чтобы тутъ опять не наткнуться на какія-нибудь хитрыя уловки, но, довѣривъ все это дѣло Господу Богу, выбрали изъ своей среды 2 товарищей, которыхъ и отправили за этими останками, усыпляя себя еще какой-то надеждой.

12-го они выѣхали за останками; имъ дали на пропитаніе въ теченіе 8 дней, считая по 3 гроша въ день.

14-го мы были обрадованы извѣстіемъ, что изъ Москвы гонятъ для насъ 230 лошадей, т. е. тѣхъ лошадей, которыхъ у насъ отняли во время погрома въ Москвѣ и въ Ярославлѣ.

15-го привезли сюда два экипажа Стадницкихъ. Послѣ этого мы уже надѣялись на возможность скораго отъѣзда, особенно, когда стали утверждать, что, несомнѣнно, послали и за тѣми, что находились въ Бѣло-Озерѣ и въ другихъ крѣпостяхъ; собравъ ихъ въ Вологдѣ, насъ всѣхъ вмѣстѣ отправятъ за границу.

19-го къ намъ пріѣхали приставы и объявили: „Государь отпускаетъ васъ въ вашу землю. Жалованья вамъ на 130 человѣкъ воеводскихъ даетъ 200 рублей, которые ваши старшіе пусть по усмотрѣнію раздадутъ по 15 рублей на человѣка. Такихъ лицъ было 6. Тѣ лошади, которыя были взяты въ Ярославлѣ и не подохли, будутъ вамъ возвращены“.

Мы весьма были рады этому извѣстію; и радовались всѣмъ сердцемъ не столько деньгамъ, сколько приближавшейся свободѣ. Дай Богъ счастье до конца! Намъ обѣщали, что мы уѣдемъ черезъ недѣлю.

21-го вручили деньги и 20 слишкомъ лошадей, отъ которыхъ остались только кожа да кости. Остальныхъ же лошадей, среди которыхъ много было нашихъ, погнали къ нашимъ братьямъ на Бѣло-Озеро. Въ тотъ же

день привезли изъ Ярославля тѣло отца Венедикта. Оттуда намъ дали знать, что Димитрій стоитъ подъ Москвой всего на разстояніи 10 верстъ и, соблюдая миръ, живетъ въ одномъ дворѣ, который тутъ для него построили. Всякаго, кто только выйдетъ изъ столицы, бьютъ; самъ же онъ не подаетъ повода къ ссорѣ, ожидая, чтобы всѣхъ насъ вывезли отсюда. Конецъ этого мѣсяца прошелъ въ ожиданіи желаннаго спасенія, которое приближалось вмѣстѣ со днемъ нашего отъѣзда, послѣдній же откладывался до того времени, когда двинутся въ путь наши изъ Бѣла-Озера; но и въ это время бывали разные противорѣчивые слухи,—впрочемъ не достойные вниманія,—что отсроченъ день, въ который насъ должны были доставить на границу. А 8-е октября приближалось.

Октябрь.

1-го пришла вѣсть изъ Бѣло-Озера, что находившіеся тамъ наши братья уже отправлены на суднахъ въ путь. И насъ обѣщали также свезти и велѣли приготовляться къ отъѣзду.

2-го раздавали намъ подводы, каждому согласно его нуждамъ. Невозможно описать радость, наполнявшую наши сердца. Можно догадаться, какую радость чувствуетъ плѣнникъ, котораго изъ темницы, гдѣ онъ долго томился, выводятъ на солнечный свѣтъ, даровавъ ему свободу.

3-го счастливый день въ нашей жизни. Выѣздъ изъ города; черезъ рѣку Вологду построенъ живой мостъ, т. е. безо всякихъ столбовъ. На этой рѣкѣ ходятъ большія судна, хорошей и прочной работы, подъ кровельками. Ночлегъ неподалеку отъ города въ селѣ, называемомъ Спасова Родина (Прилуки). Тамъ довольно богатый Спасовъ монастырь, гдѣ живетъ до 100 чернецовъ и находятся мощи двухъ чудотвор-

цевъ: Димитрія и Угличскаго князя Іоанна. Они лежатъ въ одномъ склепѣ въ покрытыхъ гробахъ; передъ ними постоянно горитъ лампада.

4-го мы ночевали въ селѣ Кубинскомъ, 20 верстъ отъ Вологды. Отъ этого села начинается озеро длиною въ 12 миль и шириною $2^1/_2$ польскихъ мили. При проѣздѣ мимо него, на одномъ островѣ виденъ красивый каменный монастырь, куда былъ сосланъ панъ Кардовскій, слуга пана Бучинскаго. Тамъ же въ одной земляной тюрьмѣ въ жестокой опалѣ сидѣлъ воевода, тотъ самый, что прежде былъ въ Тулѣ, которая уже поддалась Шуйскому.

5-го ночлегъ въ Велижцѣ, верстъ 40, вдоль того же озера.

6-го ночлегъ въ селѣ подъ Николинымъ монастыремъ, верстъ 20. Миновали монастырь Корытовъ съ его обширными полями, многочисленными чернецами и богатствами. Въ это время царь Шуйскій порядочно уже обобралъ его. Говорили, что во всей Московской землѣ такихъ богатыхъ только 4. Мы полюбопытствовали осмотрѣть его древности, и человѣкъ 20 изъ насъ туда пустили. Намъ открыли образа и церковь, а чернецы, желая гостепріимно встрѣтить насъ, угощали квасомъ и медомъ. Миновавъ этотъ монастырь, мы ночевали въ деревнѣ Извозѣ надъ рѣкой, называемой Шексной, въ 20 верстахъ отъ Бѣло-Озера.

8-го прислали намъ изъ этого монастыря пожалованіе, т. е. хлѣба, рыбы и квасу. Головы послали было боярскаго сына въ Бѣло-Озеро, чтобы скорѣе присылали судна, но ихъ не прислали, да и посланнаго къ тому же хотѣли утопить. Тогда имъ пришлось выслать болѣе важнаго сотника съ нѣсколькими десятками стрѣльцовъ, приказавъ имъ привезти судна, на которыхъ бы насъ можно было везти водой.

9-го. Тѣмъ временемъ намъ велѣли повозки и коляски свозить на судно, которое стояло на берегу

этой рѣки. Къ вечеру вернулся гонецъ, котораго посылали изъ Вологды въ Москву; съ пріѣздомъ его возникли различные слухи о могуществѣ непріятеля.

10-го мы все еще тоскливо сидѣли на берегу рѣки, ожидая суденъ.

11-го сотникъ привезъ три судна, взятыя силою.

12-го. Сѣвъ на судна, мы крикнули имя „Іисусъ". Ночью проплыли верстъ 5 черезъ опасные пороги, миновавъ Язовъ, гдѣ на этой рѣкѣ строятъ убѣжища для осетровъ. Говорятъ, что осетровъ лучше чѣмъ въ Шекснѣ нѣтъ нигдѣ, потому что въ Бѣло-Озеро впадаютъ 25 рѣкъ, а вытекаетъ только эта одна. Мы проплыли 25 верстъ. Встрѣтились намъ двѣ рѣки, вытекающія изъ озеръ, Словенка и Сехма.

14-го миновали одинъ Патріаршій прудъ, изъ котораго приставы вынули живого лосося и подарили знатнымъ лицамъ. Мы отплыли 12 верстъ. Встрѣтилась намъ еще рѣка Корша.

15-го одно изъ суденъ сѣло на камнѣ, однако Господь Богъ сохранилъ насъ отъ бѣды. Проѣхавъ рѣку Углю, мы проплыли 28 верстъ.

16-го, миновавъ два Яза, мы проѣхали 40 верстъ. Миновали рѣку Ягорку. Отъ этого мѣста считаютъ всего 12 миль до Вологды. Мы не понимали, почему насъ возили кругомъ, развѣ только для того, чтобы показать какъ велика земля и подвергнуть опасностямъ, ибо въ 20 миляхъ отъ этого мѣста будто бы находились волохи.

Прибавилась рѣка Суда, равная Сорнѣ, только съ другой водой; сливаются онѣ подъ селомъ Луковцомъ. Мы проплыли 20 верстъ до села Лубца, гдѣ причалили къ берегу. Умерла пани Доротеа Гурская, осиротивъ своего супруга, пана Адама Гурскаго, и двоихъ дѣтей, сына и дочь, родившихся здѣсь въ плѣну. Великая и неутѣшная скорбь овладѣла всѣми нами послѣ кончины этой праведной, почти святой, женщины.

18-го въ Любчѣ мы вышли на берегъ, не только со скорбью, но и съ тревогой, когда намъ сказали, что тѣхъ, которыхъ везли передъ нами, задержали въ Тихвинѣ. Тутъ мы застали и гонца, которому было приказано задержать насъ. Не успѣли мы расположиться, какъ приставы объявили намъ о необходимости тутъ остановиться, потому что Скопинъ-Шуйскій и Новгородскій воевода писали объ опасности везти насъ теперь, такъ какъ Середовъ идетъ этой стороной на помощь Государю съ войскомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Вначалѣ мы предположили иную причину этого; и, не понимая въ чемъ дѣло, отвѣтили имъ, что нѣмецкое войско, вѣроятно, невелико и несчастна та страна, которую спасаютъ нѣмцы. Различные слухи ходили объ этомъ. Но что бы то ни было, для насъ это было весьма грустно: ибо насъ привезли въ голодное мѣсто, а города поблизости не было. Намъ оставалось только одно: ждать, пока Господь сжалится надъ нами.

19-го приставы отправили гонца на парѣ лошадей въ Москву за указомъ, обѣщая, что онъ вернется не позже, какъ черезъ 10 дней, а пока обѣщали позаботиться о пищѣ.

21-го прибылъ гонецъ изъ села Бѣлаго объявить этой волости, чтобы крестьяне приготовлялись къ постройкѣ острога возлѣ города Ярославля, куда ждутъ непріятеля. Нами овладѣвала тревога, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ была оспа, умерло много дѣтей и въ скоромъ времени ожидали моровой язвы. Въ Любчѣ мы находились отъ 22-го до 29-го. Насталъ день, когда намъ обѣщали возвращеніе гонца, но его до сихъ поръ не было. Это для насъ было весьма непріятно. Говорили, что онъ, вѣроятно, попалъ въ руки враговъ или же вернулся домой. Съ другой стороны насъ ободряли надеждой, что мы скоро будемъ въ Москвѣ. Многихъ эти слухи обрадовали, особенно

когда приставы стали явно заискивать у насъ, добиваясь нашей дружбы. Они даже тайно говорили объ этомъ съ другими.

31-го подъ Луховцомъ провезли человѣкъ 40 стрѣльцовъ. Говорили, что это бѣглые изъ Твери, которые взяты на имя Димитрія: иные же говорили, что они отъ нашихъ, которыхъ задержали въ Тихвинѣ.

Ноябрь.

1-го стрѣльцы возстали противъ приставовъ и заставляли ихъ везти насъ дальше, заявляя, что они на нашей сторонѣ: „Мы отдадимъ вамъ связанными начальниковъ и поведемъ васъ къ границѣ“. Мы съ этимъ пошли къ своимъ начальникамъ, напоминая имъ объ ихъ обязательствахъ. Они сильно встревожились, увидя настойчивость и увѣренность стрѣльцовъ, и обѣщали, если черезъ три дня не вернется гонецъ, свезти подводы и поѣхать согласно нашему желанію. Но берегитесь, говорили они, чтобы вамъ въ пути не было хуже, потому что безъ указа вамъ не станутъ выдавать пищу. Мы ушли. А они interim in secreti подъ присягой открыли нѣкоторымъ изъ нашихъ свое намѣреніе, моля ужъ теперь насъ о помилованіи. Къ нимъ дошла вѣсть, что Ярославль взятъ на имя царя Димитрія. „Если это такъ (мы посылаемъ узнать), то мы отвеземъ васъ прямо къ нимъ, а вы постойте за насъ и окажите намъ милость въ свое время“. Мы опасались измѣны; когда же они на другой и на третій день подъ великими клятвами твердили одно и то же, мы отчасти повѣрили.

3-го отправили за извѣстіями одного гонца къ Ярославлю, а другого въ Устюжну,—узнать, что съ нашими, которыхъ отправили впередъ. Въ это же время человѣкъ 20 изъ нашихъ рѣшили, собравшись тайно, бѣжать къ полкамъ.

5-го. Гонецъ, посланный въ Москву къ Шуйскому, вернулся только сегодня, но съ радостнымъ для насъ указомъ. Онъ привезъ также письмо къ нашимъ приставамъ отъ ярославцевъ подъ титуломъ царя Димитрія Ивановича и пана Павла Сапѣги, въ то время Ярославскаго губернатора. Въ немъ предписывалось вывезти насъ изъ этого голоднаго поселенія дальше къ Устюжнѣ, на растояніи 18 миль, и выдавать намъ пищу по желанію. Какъ только это письмо было прочитано, въ городѣ вспыхнуло сильное волненіе. Пристава, бросивъ все въ своихъ квартирахъ, едва спасли свою жизнь, бѣжавъ къ намъ. Наши выскочили изъ своихъ домовъ съ оружіемъ наголо. Стрѣльцы онѣмѣли отъ страха и неожиданности, не зная въ чемъ дѣло, тоже и чернь. Когда же тревога усилилась, во избѣжаніе худшаго, мы послали за сотникомъ и пятидесятникомъ. Когда они пришли, мы разсказали имъ въ чемъ дѣло. Выслушавъ насъ, они пошли къ стрѣльцамъ, которые, узнавъ обо всемъ, тотчасъ же съ радостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со страхомъ, пришли къ намъ, моля о помилованіи и обѣщая завтра принести присягу царю. Они успокоили насъ насчетъ своей преданности и вѣрности. И такъ Всемогущій Господь Богъ не желалъ уже дольше задерживать свое правосудіе и подчинилъ нашей власти враговъ нашихъ, которые попирали нашу жизнь и жаждали выпить нашу кровь. Но мы не желали мстить, забыли обиды и не подняли на нихъ своихъ рукъ, напротивъ даже обѣщали защитить ихъ. Сами враги наши удивлялись нашему вниманію и состраданію, благодаря которымъ не было никакого повода къ кровопролитію и чьей-либо обидѣ. Успокоивъ это волненіе, мы задумали ѣхать уже не въ Устюжну, а въ Ярославль, оттуда же—въ царскіе полки. Судя по словамъ посланнаго, Москва еще не сдалась; но царь Димитрій и воевода находятся подъ столицей. О

Шуйскихъ же онъ сказалъ, что двое изъ нихъ отравились, а третій еще живъ. Получивъ эти извѣстія, мы отправили къ царю съ нѣсколькими товарищами пана Казановскаго, черезъ котораго мы просили, чтобъ онъ объявилъ намъ свою милость и допустилъ насъ въ свои полки служить ему и нашимъ вельможамъ. Панъ Казановскій немедленно выѣхалъ съ этимъ порученіемъ; а мы тѣмъ временемъ поспѣшно готовились въ путь вслѣдъ за нимъ, давъ знать о такой радости и тѣмъ, что ѣхали передъ нами и за нами.

Стрѣльцы не хотѣли присягать ни царю, ни намъ, но когда увидѣли, что мы противъ этого, то на все охотно согласились. Они пошли въ церковь, цѣловали крестъ на имя царя и клялись ему въ вѣрности. Въ тотъ же вечеръ пришла вѣсть, что 150 стрѣльцовъ идутъ отбивать Вологду. Этотъ слухъ насъ не тревожилъ, тѣмъ болѣе, что ихъ было такъ мало, а наши стрѣльцы обѣщали стоять за насъ и мы за нихъ. Но желая убѣдиться въ правдивости слуха, мы задумали послать шпіона.

7-го мы переправляли повозки черезъ рѣку Шексну къ Ярославлю.

8-го вернулся гонецъ изъ Устюжны. Онъ разсказалъ, что засталъ тамъ 200 бояръ, которые приносили присягу въ подданствѣ царю Димитрію. Когда же онъ показалъ имъ письмо, написанное нашими приставами отъ имени Шуйскаго, они такъ разгнѣвались, что хотѣли утопить его въ рѣкѣ. О нашихъ, которые ѣхали въ Новгородъ передъ нами, онъ сказалъ, что ихъ, вѣроятно, захватили.

9-го, приведя къ присягѣ царю здѣшній посадъ, мы благополучно вмѣстѣ со всѣми переправились и предприняли дальнѣйшій путь. Передъ вечеромъ мы пріѣхали на ночлегъ въ село Ильинское, на разстояніи 5 верстъ.

10-го ночлегъ въ селѣ Войлинѣ, верстъ 20, а другой—въ селѣ Щетинскомъ. Тутъ опять присяга.

12-го ночлегъ въ Адріановой пустыни, верстъ 40; отсюда мы ѣхали черезъ пустыри и чащи.

13-го мы остановились въ селѣ Бѣломъ. Здѣсь въ большомъ изобиліи была приготовлена для насъ всякая пища, но мы не брали ее, потому что намъ давали на пропитаніе деньги.

14-го ночлегъ въ деревняхъ Михаила Скопина-Шуйскаго. Его наслѣдственныя деревни и помѣстья занимаютъ большую площадь очень плодородной земли; верстъ 25.

15-го, переправившись подъ Романовымъ черезъ рѣку Волгу, мы ночевали на той сторонѣ въ слободѣ, верстъ 20. Городъ Романовъ и деревянная крѣпость расположены надъ самой Волгой на большомъ протяженіи.

16-го. Здѣсь мѣщане жаловали насъ яствами и питьемъ.

17-го мы всѣ ѣхали верхомъ на ночлегъ, приходившійся въ Можонтской слободѣ надъ Волгой; верстъ 20.

18-го ночлегъ въ Ярославлѣ; верстъ 10. Изъ страха намъ тутъ не очень довѣряли и не особенно были рады такимъ гостямъ, какъ мы. Тутъ мы застали слугу пана воеводы, котораго царь нарочно отправилъ, чтобы онъ, заставъ насъ гдѣ бы то ни было, привелъ въ лагерь. Онъ велѣлъ ему всѣхъ слугъ одѣть въ платье изъ самаго лучшаго сукна, какое найдется въ Ярославлѣ, а челяди купить тулупы и сапоги. Этотъ человѣкъ далъ намъ самыя точныя свѣдѣнія о происходившемъ и подъ Москвой. Онъ сообщилъ, что панъ воевода съ дочерью взятъ въ полки царя. Но здѣсь объ этомъ не разсказывается, ибо въ надлежащихъ мѣстахъ существуютъ достовѣрные дневники, написанные повременно. Намъ совѣтовали торопиться

съ отъѣздомъ, чего мы и сами желали. Какъ только мы слѣзли съ коней, здѣшній воевода, князь Θеодоръ Петровичъ Барятинскій, пришелъ привѣтствовать насъ. Онъ взялъ съ собой человѣкъ 15 изъ насъ на пиръ, который былъ въ московскомъ вкусѣ и отличался обиліемъ блюдъ. Первое блюдо было холодное, послѣ него водка; второе блюдо—жаркое, третье — вареныя яства на желѣзныхъ сковородахъ, потомъ пирожное съ лукомъ безъ соли. Смѣшно было глядѣть, когда самъ князь ѣлъ безъ тарелки и клалъ кости на скатерть. Передъ нами все же поставили нѣсколько цинковыхъ тарелокъ, очень грязныхъ, и дали нѣсколько деревянныхъ ложекъ. Мы застали здѣсь 100 человѣкъ солдатъ, оставленныхъ для защиты города. На другой день великій польскій панъ Сапѣга, стоявшій лагеремъ подъ Троицкимъ монастыремъ, уѣхалъ, а съ нимъ и 4 товарища, посланные отъ войска для ревизіи казны на жалованье солдатамъ во вновь завоеванныхъ крѣпостяхъ. Всего пути отъ Любчи въ Ярославль 180 верстъ, а миль 36.

19-го тамъ же ночлегъ, на которомъ мы требовали сукна, тулуповъ и улучшенія пищи.

20-го тамъ же. Мы не взяли сукна, потому что оно было плохое и въ небольшомъ количествѣ; купцы, опасаясь разгрома, развезли его по разнымъ мѣстамъ.

21-го мы выѣхали изъ Ярославля одни; стрѣльцы же, бывшіе при насъ, боясь осады, бѣжали.

22-го ночлегъ въ Ростовѣ, 60 верстъ. Пять недѣль тому назадъ этотъ городъ былъ взятъ татарами и запорожскими казаками, которыхъ было 600 человѣкъ, да москвичей съ ними около 200. Въ Ростовѣ же вооруженныхъ людей—бояръ и черни насчитывалось 2000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣми, которые утонули, погибло 1000 человѣкъ. Взявъ монастырь, татары захватили живыми митрополита и воеводу, поубивали тамъ же въ церкви поповъ и чернь, взяли

въ плѣнъ многихъ женщинъ, разграбили церковную сокровищницу, золото, серебро, жемчугъ и иныя драгоцѣнности. Между прочимъ, былъ тамъ одинъ предметъ, отлитый изъ чистаго золота, называемый ракой чудотворца, вѣсившій семь съ. половиной пудовъ. Они взяли также серебряный гробъ и всѣ золотыя и серебряныя украшенія, бывшія на иконахъ. Вообще они получили здѣсь богатую добычу, исключивъ изъ нея то, что погорѣло въ лавкахъ во время пожара.

23-го ночлегъ въ Кулаковѣ, верстъ 40.

24-го ночлегъ въ Переяславлѣ, верстъ 20. Здѣсь мы соединились съ нашими братьями, т. е. съ солдатами и придворными старосты Саноцкаго и князя Вишнёвецкаго; до этого они были въ Островѣ, а потомъ въ Галичѣ, гдѣ получили извѣстіе, заставшее насъ въ Любчѣ.

25-го. Взявъ у москвичей лучшихъ бахматовъ и прикрѣпивъ къ шестамъ знамена, мы въ количествѣ 200 человѣкъ шли такъ до самой Троицы. Ночлегъ въ Александровской слободѣ.

26-го, давъ знать о себѣ пану Сапѣгѣ, гетману надъ тѣми, что стояли подъ св. Троицей, мы шли къ лагерю; на разстояніи полумили отъ него насъ привѣтствовалъ самъ гетманъ; очень многіе выѣзжали намъ навстрѣчу. Невозможно передать, какъ мы радовались и ликовали. По приходѣ въ лагерь, они распредѣлили насъ между собой и пріютили у себя, предоставивъ всѣ удобства.

27-го москвичи по обыкновенію сдѣлали безчестную вылазку; они, уже намѣтивъ на площади цѣль, подпустили къ стѣнамъ нашихъ воиновъ на разстояніи выстрѣла. Мы охотно выѣзжали на стычки, но онѣ были безполезны: москвичи тотчасъ же измѣннически скрывались въ окопахъ, откуда часто вредили нашимъ, стрѣляя изъ мушкетовъ. И въ этотъ день они двоихъ подстрѣлили, а одного схватили, когда онъ подступилъ

Янъ Петръ Сапѣга.

къ самой стѣнѣ. Съ ихъ же стороны осталось на полѣ 20 человѣкъ убитыми.

28-го во время стычки легко раненъ товарищъ со слугой и убито 8 москвичей.

29-го посылали съ переговорами, но напрасно.

30-го мы выѣхали изъ этого лагеря въ болѣе обширный подъ Москвой; ѣхали съ предосторожностями, боясь преслѣдованія изъ одного монастыря, мимо котораго лежалъ нашъ путь; пугали насъ также татарами. Но, по милости Божіей, въ этотъ день съ нами не случилось ничего дурного, и мы благополучно пришли на ночлегъ въ Дмитровъ, верстъ 20. Этотъ городъ прежде былъ большимъ поселеніемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ до сихъ поръ сохранившіяся большія застроенныя площади; но теперь все было сожжено и сильно опустошено.

Декабрь.

1-го насъ пугали войскомъ. Ночлегъ пришелся въ лагерѣ подъ пустой деревней, версты 4.

2-го передъ вечеромъ, когда солнце собиралось садиться, мы всѣ подъ однимъ знаменемъ поѣхали въ лагерь. Только что мы соскочили съ коней, какъ самъ царь вмѣстѣ съ нашими вельможами сдѣлалъ намъ смотръ. Потомъ товарищество, братья наши, распредѣлили насъ между собой, выражая намъ большую благодарность, а также радость по случаю нашего прибытія, ибо они считали насъ уже погибшими. Но мы попали въ очень голодный лагерь; солдаты и челядь были въ сильной нуждѣ, потому что челядь въ разное время что разгромила, что пожгла, другіе же, которыхъ послали доставать пищевые продукты, сговорившись между собой, собрались шайками и грабили сосѣднія села и деревни, притворяясь врагами и называя себя татарами. Здѣсь не хватило бы мѣста,

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

если бъ вздумалось описывать тѣ порядки, которые мы тутъ застали.

4-го въ лагерѣ подъ столицей москвичи вызвали на переговоры, но вмѣсто переговоровъ происходили кровавыя стычки. Москвичей выѣхало всего нѣсколько десятковъ конныхъ. Увидя это, мы вернулись въ лагерь. Одинъ москвичъ, продавъ себя отъ насъ на ихъ сторону, сообщилъ имъ подробныя свѣдѣнія; тогда и сами, увидѣвъ, какъ мало осталось сражающихся, сдѣлали къ вечеру вылазку; на полупути къ лагерю имъ вышли на помощь свѣжія роты. Увидя ихъ, москвичи повернули назадъ и отправили снова воиновъ; войско и засады были наготовѣ. Но москвичи, хорошо освѣдомленные, ушли за стѣны, не желая больше сражаться. Намъ пришлось вернуться въ лагерь уже совсѣмъ впотьмахъ.

6-го отправили роту къ Коссаковскому за тѣми слугами, которые, будучи посланы за пищевыми продуктами, собрались шайками, сильно грабили и убивали за Волгой и совершенно ужъ не возвращались къ своимъ господамъ. Они съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе; особенно ихъ поддерживали разбойники, которые, облюбовавъ свободу, бѣжали къ нимъ изъ лагеря. Къ нимъ присоединялось много и москвичей, которые были ихъ предводителями. Эти бездѣльники, именовавшіе себя татарами Шуйскаго, сильно разбойничали по дорогамъ.

7-го, 8-го и 9-го соблюдали миръ съ обѣихъ сторонъ. За это время многіе москвичи продали себя на нашу сторону, обѣщая намъ близкую сдачу Москвы.

11-го было уже за полночь, когда изъ лагеря вышелъ на засаду полкъ пана Зборовскаго; другіе же полки съ разсвѣтомъ вышли въ поле; гарцовники— подъ стѣны, желая выманить на стычки. Но изъ москвичей вышло всего лишь нѣсколько сотъ наѣздниковъ, которые только подводили нашихъ къ стѣнамъ на

разстояніе выстрѣла. Эти обоюдныя стычки все же длились нѣсколько часовъ; послѣ чего войско, никого не дождавшись, должно было уйти.

12-го Нагой, Воротынскій и иные бояре и воеводы, стерегущіе Москву, бѣжавъ, продали себя намъ. Они совѣтовали поскорѣе занять коломенскій путь, послѣ чего Москва по ихъ расчету должна будетъ скоро сдаться. Въ тотъ же день панъ воевода отправилъ въ Польшу часть своихъ слугъ, челяди и экипажей. Войско противилось его отъѣзду, но воевода все же собирался въ путь, желая присутствовать по крайней мѣрѣ при заключеніи сейма, который скоро долженъ былъ окончиться.

13-го передъ разсвѣтомъ пришли къ царю два стрѣльца изъ Москвы, продавъ себя. Они совѣтовали царю написать къ міру, обѣщая отнести это письмо и всенародно отдать его. Они обѣщали, что послѣ письма москвичи сдадутся. О Шуйскомъ же говорили, что онъ взялъ оружіе со стѣнъ въ крѣпость, намѣреваясь запереться тамъ со своими друзьями и съ друзьями своей жены.

15-го пріѣхали послы отъ запорожскихъ казаковъ съ письмами къ царю и къ пану воеводѣ, которымъ они доносили, что взяли на имя царя нѣсколько турецкихъ крѣпостей.

6-го украинскихъ и другихъ казаковъ пришло въ лагерь 400. Они добровольно предложили служить царю. Изъ москвичей тоже почти каждый день нѣсколько человѣкъ продавали себя царю.

18-го дали знать о великомъ кровопролитіи и о многочисленныхъ человѣческихъ жертвахъ, лежавшихъ по дорогамъ. Все это было дѣломъ тѣхъ своевольныхъ слугъ, которые нападали на бояръ, на поповъ и на цѣлыя деревни, производя великіе разбои и грабежи.

19-го были удачныя стычки: убито нѣсколько десятковъ москвичей, остальныхъ же воины вогнали въ самый

городъ; однако Суспольскій, храбрый мужъ, былъ подстрѣленъ и на третій день умеръ.

20-го изъ Польши пришли извѣстія о татарахъ. Послали вооруженныхъ людей съ Корницкимъ на коломенскую дорогу. Дали знать, что Кострома, Галичъ и Вологда снова отпали къ Шуйскому.

22-го выѣзжали на стычки, но москвичи не выѣхали.

23-го панъ Ланцкронскій со своей ротой и съ добровольцами пошелъ подъ тѣ крѣпости, которыя отпали.

24-го пріѣзжали изъ лагеря пана Сапѣги солдаты за деньгами. На этихъ дняхъ очень много знатныхъ бояръ изъ столицы продали себя на нашу сторону.

25-го дали знать, что наши подъ Костромой перебили нѣсколько тысячъ москвичей и что тѣ крѣпости будто бы каются въ своей измѣнѣ. Подъ Калининой также произошла жестокая схватка.

26-го между прочими продалъ себя одинъ москвичъ, который сообщилъ, что Шуйскій, узнавъ объ отъѣздѣ пана воеводы, намѣревается схватить его, для чего высылаетъ за нимъ сильный отрядъ, въ который назначенъ и онъ. Наши выѣзжали въ этотъ день, но москвичи не хотѣли попытать счастье. Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ прискакалъ изъ Смоленска гонецъ, донося, что этотъ городъ хочетъ принести повинную. Получивъ такое радостное извѣстіе, долго стрѣляли изъ орудій. Царь вмѣстѣ съ царицей ѣздилъ на молебенъ въ церковь. До полудня еще нѣсколько десятковъ бояръ продали себя на нашу сторону. Пріѣхали въ лагерь 150 настоящихъ украинскихъ казаковъ, чтобы служить на войнѣ царю и полякамъ. А подъ вечеръ пришла вѣсть изъ Польши, что панъ Стадницкій поймалъ пана старосту Лежанскаго съ женой и дѣтьми.

29-го пріѣхалъ Касимовскій царь принять подданство царя и предложить себя на военную службу, желая мужественно защищать его имя. Когда онъ подъѣзжалъ къ лагерю, ему навстрѣчу выѣхалъ гетманъ съ

воинами. Послѣ привѣтствія они съ почестями ввели его въ донской лагерь.

31-го Касимовскому царю дана была аудіенція, и онъ былъ допущенъ къ царской рукѣ вмѣстѣ со своимъ маленькимъ сыномъ. Потомъ царь Димитрій даровалъ ему и его сыну свою милость. Онъ униженно благодарилъ царя и сейчасъ же вручилъ подарки: саблю, оправленную золотомъ и усыпанную бирюзою, и золотую петлю, украшенную драгоцѣнными камнями. Царь, принявъ съ благодарностью, взаимно подарилъ ему ножъ изъ чистаго золота.

Январь 1609 г.

1-го вѣсти, что Скопинъ-Шуйскій идетъ отъ Новгорода къ Москвѣ съ 12,000 войскомъ.

2-го снова вѣсть, что его наголову разбилъ Керназицкій, который стоитъ подъ Новгородомъ.

3-го были слухи, что покорили Кострому.

4-го говорили, что нѣкоторые отряды, собравшись вмѣстѣ, бьютъ и жгутъ. Вообще вездѣ miserabilis statut былъ въ этой землѣ и очевидная кара небесная надъ ней: повсемѣстно великое кровопролитіе, жестокія и неслыханныя убійства.

5-го дали знать, что подъ Осиповымъ и подъ Коломной послѣ обоюдной кровавой битвы наши перебили немало москвичей.

6-го, когда панъ воевода собирался ѣхать въ Варшаву, солдаты прислали ему сказать, чтобы онъ не уѣзжалъ, пока не получитъ 50,000 рублей (они были возвращены), которые панъ Побѣдинскій, какъ говорили, долженъ былъ взять во Псковѣ; поэтому онъ долженъ былъ обождать.

7-го пришла вѣсть, что челядь пана воеводы, отправленная впередъ, подверглась нападенію въ Стародубѣ.

8-го выѣзжали подъ Москву; царь Касимовскій выѣзжалъ со своими татарами, двое изъ которыхъ убиты во время стычки. На стычку выѣхало было нѣсколько сотъ москвичей, но, увидя знамя, всѣ скрылись за стѣнами, а стрѣльцы отстрѣливались изо рвовъ. Наши, видя, что не съ кѣмъ сражаться, вернулись, не желая безполезно подвергаться опасности. Касимовскій царь внимательно присматривался къ нашему войску, которое было порядочно вооружено и состояло изъ достаточнаго количества настоящихъ и храбрыхъ воиновъ, несравненно болѣе отважныхъ чѣмъ его татары. Онъ глядѣлъ на нихъ съ большой завистью.

9-го дали знать, что изъ Москвы, вѣроятно, для защиты св. Троицы вышелъ небольшой отрядъ, вслѣдъ за которымъ должно было выйти сильное подкрѣпленіе. Но потомъ сказали, что они вернулись назадъ, а тѣ сбились съ пути. На этой недѣлѣ не было ни одной схватки.

10-го привезли изъ Пскова деньги, при чемъ панъ воевода заявилъ, что изъ нихъ для его нуждъ взято не болѣе 2,000 рублей. Достали также царскія письма, которыя онъ тайно послалъ было къ своимъ москвичамъ, чтобы они утопили въ рѣкѣ товарищество, высланное войскомъ за этими деньгами. Воины, видя презрительное отношеніе пана воеводы къ себѣ, проливавшимъ за него свою кровь, возстали противъ него и перестали любить его за явную неблагодарность.

11-го москвичи напали врасплохъ на нѣсколько сотенъ нашихъ сторожевыхъ донскихъ казаковъ, настоящихъ воиновъ, и окружили ихъ. Донцы, видя свое безвыходное положеніе, тотчасъ же послали въ лагерь за подкрѣпленіемъ. Имъ послали нѣсколько сотъ казаковъ; но вождь, который долженъ былъ привести ихъ туда, предательски повелъ ихъ на московскую стражу. Но измѣна не удалась: непредупрежденная объ этомъ стража бѣжала. Между тѣмъ казаки, схвативъ его, привели

въ лагерь. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня прискакалъ гонецъ отъ пана Сапѣги съ донесеніемъ, что перебито 200 москвичей, захваченныхъ подъ св. Троицей. Онъ сообщилъ также, что Вологда и Галичъ сдались, а въ Костромѣ всѣхъ перебили.

12-го нѣсколько ротъ выходило подъ Москву на стычки, которыя были весьма удачны.

13-го прискакалъ съ письмами слуга отъ пана Водины, который сообщалъ о сеймѣ и объ иныхъ коронныхъ дѣлахъ. Отъѣздъ пана воеводы, назначенный на сегодня, пріостановленъ войскомъ, которое назначило на завтрашній день совѣтъ, чтобы рѣшить это дѣло.

14-го въ воинскомъ совѣтѣ рѣшили отложить дѣло объ отъѣздѣ воеводы еще на день.

15-го пришло извѣстіе, что 4 крѣпости за Волгой, измѣнившія было намъ, снова взяты, и гарнизоны ихъ совершенно перебиты. Отъѣздъ пана воеводы опять отложенъ до слѣдующаго дня.

16-го пришелъ панъ Шуйскій съ тремя ротами гусаръ, 150 человѣкъ, и такимъ же числомъ казаковъ. Царь, выйдя изъ церкви, привѣтствовалъ его.

17-го мы выѣхали съ паномъ воеводой изъ лагеря часа за два до наступленія вечера. Насъ провожалъ самъ царь съ воинствомъ. Съ нами послали въ путь 150 человѣкъ донцовъ. Мы благополучно ѣхали всю ночь, только немного покормивъ лошадей въ Осьмиградѣ; молили Бога, чтобы Онъ дозволилъ намъ благополучно и какъ можно скорѣе добраться до своей родины.

18-го къ полудню мы пріѣхали въ Можайскъ. Этотъ городъ находится на разстояніи 90 верстъ, или нашихъ 18 миль, отъ лагеря, изъ котораго мы выѣхали. Здѣсь насъ встревожили ложной вѣстью, что Шуйскій отправилъ 2,000 человѣкъ подстерегать насъ.

19-го въ большой тревогѣ мы выѣхали изъ Можайска; но несмотря на это, мы поспѣшно ѣхали всю ночь и

прибыли въ Медынь, верстъ 45, миль 9, и тамъ оставались до утра.

20-го мы остановились въ Калугѣ, верстъ 45, миль 9, отъ Медыни; подъ Калугой протекаетъ рѣка, называемая Окой.

21-го, давъ здѣсь отдыхъ лошадямъ, мы и сами отдохнули, осматривая крѣпость, которую Шуйскій осаждалъ $1\frac{1}{2}$ года. Однако осажденные защищались очень храбро и не сдались ему, хотя съ голода пришлось питаться лошадинымъ мясомъ. Наконецъ войско Шуйскаго, израсходовавъ на калужанъ всѣ снаряды, должно было позорно отступить.

22-го ночлегъ въ селѣ Разбойникахъ, на разстояніи 40 верстъ, т. е. 8 миль, отъ послѣдней стоянки.

23-го мы остановились въ слободѣ, называемой Брымой, тоже въ 40 верстахъ.

24-го, сдѣлавъ для себя и для коней запасъ пищи, мы направились дальше черезъ Брынскій лѣсъ, протяженіе котораго считаютъ 120 верстъ, 24 нашихъ мили. На полупути въ этой пущѣ намъ пришлось ночевать въ одномъ монастырѣ, единственномъ тамъ каменномъ зданіи.

25-го оттуда мы отправились въ городъ и крѣпость Брянскъ, который расположенъ на высокомъ берегу рѣки Десны. Изъ Брянска панъ воевода направился въ Стародубъ по рославльскому пути изъ-за очень узкихъ дорогъ и опасности, грозившей изъ Смоленска. Я же въ компаніи самъ-двѣнадцатый направился къ Рославлю.

26-го ночлегъ въ Харобровѣ, верстъ 30.

27-го схватка съ крестьянами въ Берестке, ночлегъ же въ Рукавицахъ, 40 верстъ.

28-го опять схватка съ крестьянами; ночлегъ въ Субистковѣ, верстъ 45.

29-го дали отдыхъ конямъ въ Рославлѣ, уже послѣдней крѣпости Московскаго Государства, верстъ 15; здѣсь

произошла ссора съ однимъ попомъ изъ-за квартиры. Въ тотъ же день вечеромъ мы переѣхали черезъ границу, до которой отъ Рославля 30 верстъ. На этой остановкѣ мы почувствовали, какъ будто вновь родились и пріобрѣли свободу, за что да будетъ вѣчная слава Господу Богу Всемогущему въ Троицѣ Единому, Богородицѣ Пресвятой и сонмамъ небеснымъ. Аминь.

Всего изъ лагеря до границы по этому пути 540 верстъ, т. е. 108 миль. Въ этотъ день ночевали въ Засѣлѣ, въ двухъ миляхъ отъ границы. Ночлегъ въ Радынѣ, миль 8. Sit nomen Domini Benedictum.

Димитрій Самозванецъ.

Марина Мнишекъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

(№№ обозначаютъ страницы дневника).

А.

Адамъ, ловчій, 35.
Адамъ, полковникъ, 15.
Адріанова пустынь, 48.
Александровская слобода, 50.
Алексинъ, городъ, 15.
Ансерынъ Венедиктъ, монахъ изъ ордена бернардиновъ, 39, 41.
Архангельскъ, портъ, городъ, 12.
Астрахань, городъ, 11.
Аоанасій, приставъ, 22, 24, 26.

Б.

Барятинскій Ѳеодоръ Петровичъ, князь, 49.
Бела, венгерецъ, 23.
Березанскій, полякъ, 23.
Берестокъ, 58.
Болотниковъ, 11, 14, 19.
Болховъ, городъ, 21, 23.
Брыма, слобода, 58.
Брынскій лѣсъ, 58.
Брянскъ, городъ, 14, 58.
Бучинскій, полякъ, 42.
Бѣлое море, 12.
Бѣлое, село, 44, 48.

Бѣло-Озеро, озеро, 43.
Бѣло-Озеро, Бѣлый (Бѣлоозерскъ), городъ, 18, 23, 26, 36, 40, 41 42.

В.

Варшава, городъ, 55.
Велижецъ, 42.
Вишневецкій, князь, 26, 50.
Водина, полякъ, 57.
Войлино, село, 48.
Волга, рѣка, 22, 28, 48, 52, 57.
Вологда, городъ, 18, 29, 30, 32, 37, 39, 40, 42, 43, 47, 54, 57.
Вологда, рѣка, 33, 41.
Воронецкій, князь, 32.
Воротынскій, бояринъ, 53.
Вязомая, село, 21.

Г.

Галичъ, городъ, 50, 54, 57.
Глинскіе, упоминаются, 18.
Глѣбовичъ, полякъ, посолъ, 10.
Годуновъ, царь, 20.
Годуновы, бояре, 15.
Голицынъ Иванъ, воевода, 16, 17, 18.
Гродецкій, полякъ, 28.
Гурская Доротеа, 43.
Гурскій Адамъ, полякъ, 43.

Д.

Даниловъ, царское село, 31.
Де-Мело Николай, испанецъ, изъ ордена августиновъ, 14.
Деревянный городъ (Москва), 17, 18.
Десна, рѣка, 58.
Димитрій, Самозванецъ, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 41, 45, 46, 47, 55.
Дмитровъ, городъ, 51.
Добецкій, полякъ, 32.
Домарацкій, полякъ, 32.

З.

Загурскій, слуга, 29.
Задуховскій, староста, 28.
Запорскій Янъ, полякъ, 26, 31.
Засѣлъ, 59.
Зборовскій, полякъ, 52.
Золотуха, рѣка, 33, 35.

И.

Иванъ Дьякъ, приставъ, 23, 26, 30, 36.
Извозъ, деревня, 42.
Ильинское, село, 47.

І.

Іоакимъ, приставъ, 22, 26.

К.

Казановскій, полякъ, 47.
Калинина, 54.
Калуга, городъ, 58.
Каменный городъ (Москва), 17.
Карачевъ, городъ, 11.
Кардовскій, полякъ, 42.
Карелія, провинція, 12.
Касимовскій царь, 54, 55, 56.
Керназицкій, полякъ, 55.
Коломна, городъ, 55.
Конѣцкій, полякъ, 31.
Корницкій, 54.
Корша, рѣка, 43.
Корытовъ монастырь, 42.
Коссаковскій, полякъ 52.
Кострома, городъ, 54, 55, 57.
Которосль, рѣка, 22.
Кубинское, село, 42.
Кулаково, село, 50.

Л.

Ланцкронскій, полякъ, 54.
Лежанскій, полякъ, 54.
Лубецъ, село, 43.
Луковецъ (Луховецъ), село, 43, 45.
Любча, 44, 49, 50.

М.

Марія (Марина), 14.
Мароа, 14.
Медынь, городъ, 58.
Михалецъ, крѣпость, 21
Мнишки, упоминаются, 27.
Можайскъ, городъ, 57.
Можонтская слобода, 48.
Москва, городъ, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46, 48, 51, 52, 53, 55, 56, 57.
Москва, рѣка, 17.
Мстиславскій, бояринъ, 23.

Н.

Нагая, Нагой, бояре, 12, 53.
Нагой Исидоръ, бояринъ, 14
Николинъ монастырь, 42.
Новгородъ Великій, городъ, 17, 21, 39, 47, 55.

О.

Обельницкій Валерій, поваръ, 38.
Ока, рѣка, 58.
Олесницкій Николай, каштелянъ малогосскій, 28.
Орелъ, городъ, 21, 23, 24, 25.
Оркша, рѣка, 31.
Орѣхово, посадъ, 38.
Осиповъ, крѣпость, 55.
Островъ, городъ, 50.
Осьмиградъ, 57.

П.

Папроцкій, портной, 32.
Патріаршій прудъ, 43.
Переславль, городъ, 31, 50.
Петрашка, самозванецъ, 11, 14.
Плата Юрій, полякъ, 28.
Побѣдинскій, полякъ, 55.
Псковъ, городъ, 55, 56.
Путивль, городъ, 10, 13.

Р.

Радынь, 59.
Разбойники, село, 58.
Разстрига, Самозванецъ (Димитрій), 9, 16.
Романовъ (Романовъ-Борисоглѣбскъ), городъ, 48.
Рославль, городъ, 58, 59.
Ростовскій Петръ, князь, 15.
Ростовъ, городъ, 31, 49.
Рукавицы, 58.

С.

Савинскій монастырь, 14.
Салтыковъ, воевода, 10, 18.
Сапѣга, усвятскій староста, 46, 49, 50, 57.
Св. Войцехъ, упоминается, 22.
Св. Димитрій, 42.
Св. Іоаннъ, князь Угличскій, 42.
Середовъ, 44.
Серпуховъ, городъ, 17, 24.
Сехма, рѣка, 43.
Сибирь, 18, 19, 23, 34.
Скопинъ-Шуйскій Михаилъ, 44, 48, 55.
Словенка, рѣка, 43.
Смоленскъ, городъ, крѣпость, 16, 17, 18, 19, 24, 54, 58.
Солтанъ старшій, полякъ, 32.
Сорна, рѣка, 43.
Спасова Родина (Прилуки), село, 41.

Спасовъ монастырь (Прилуцкій), 41.
Стадницкіе, упоминаются, 13, 23, 25, 40.
Стадницкій, 54.
Стародубъ, городъ, 55, 58.
Степанъ, приставъ, 18.
Субистково, 58.
Суда, рѣка, 43.
Суспольскій, полякъ, 54.
Сѣверская земля, 20.

Т.

Татищевъ, бояринъ, 17.
Тарнополь, 18, 19.
Тверь, городъ, 17, 45.
Тихвинъ, городъ, 44, 45.
Троица, Троицкій (Сергіевъ) монастырь, 49, 50, 56, 57.
Тула, городъ, 14, 18, 42.

У.

Угличъ, городъ, 17, 29.
Угля, рѣка, 43.
Устюжна (Устье), городъ, 32, 37, 45, 46, 47.

Х.

Хароброво, 58.

Ч.

Четвертый, упоминается, 23.

Ш.

Шексна, рѣка, 42, 43, 47.
Шуйскіе, бояре, 21, 47.
Шуйскій, царь, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 29, 39, 42, 46, 47, 52, 53, 54, 57, 58.
Шуйскій Димитрій, князь, 13, 15, 16, 17, 19, 24, 36.

Щ.

Щетинское, село, 48.

Я.

Ягорка, рѣка, 43.
Яма, село, 31.
Ярославль, городъ, 10, 18, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49.

М

194

ЗИН № 2

ПИТФОНД
№ 2
10
вн. № 2404

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084239547